М.В. Довнар-Запольскій

Баркулабовская летопись.

Киев 1908 г.

М. В. Довнаръ-Запольскій.

БАРКУЛАБОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акц. Общ.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, 6.
1908.

Печатано по опредѣленію Правленія Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій.

I.

Баркулабовская лѣтопись[1]).

Сеймъ великий былъ у Берести лета Бож. нарож. 1545, на которомъ сейме былъ король его милость полский великий князь литовскій Жикгимонтъ Казимеровичъ з королевою Бонею и с королевнами. А при его милости сынъ его милости господарь нашъ другий кроль полский Жикгимонтъ Августъ ис королевою своею Алжбетою, дочкою короля ческаго и римскаго Фирдынанда. При которых на сейме при их милости обоихъ королехъ много было бискуповъ, пановъ радъ, панове рада великого князства, панята и вся шляхта хоруговная, и вси рыцерства всихъ землей и княжства Литовского, такъ было множество людей на томъ сейму, ижъ на обе стороне около Берестя на колконадцать миль стояли. А при ихъ милостяхъ обоихъ королехъ на томъ сейме Берестейскомъ много было пословъ, яко отъ християнскихъ господарей, также и от бесурменскихъ, а былъ тотъ сеймъ у Берести такъ много—от святого Петра и Павла ажъ до святого Архангела (л. 137) Михаила. С того сейму Берестейскаго его милость господарь нашъ кроль Жикгимонтъ Августъ

---

[1]) Баркулабовская лѣтопись была впервые издана Кулишемъ въ его „Матеріялахъ для исторіи возсоединенія Руси", т. I, М. 1877 г., но здѣсь она напечатана неисправно. Въ виду неисправности этого изданія и того, что „Матеріялы" Кулиша сдѣлались библіографической рѣдкостью, мы рѣшились вновь ее издать по списку Синодальной Библіотеки (№ 790). Подробности о рукописи и самой лѣтописи сообщаются въ особой статьѣ, которая составляетъ введеніе къ тексту.

изъ королевою Алжбетою поехалъ до Вилни и взялъ его милость у свою справу все великое Литовское панство, Руское и Жомоицкое отца его милости Жикгимонтъ Старый король. Того ж сейму Берестейского, на которомъ сейме ихъ милость кролеве обадва были, князь Семенъ Глебовичъ Пронский принялъ веру римскую, а названъ Фридрихомъ; на тотъ часъ дано ему воеводство Киевское.

Могилевъ.

За господаря кроля Жикгимонта, за митрополита Иону, за владыку полоцкаго пана Хребтовича, за державемъ пана Стафия Воловича, за старосту его пана Баркулаба Корсака, а панъ Иванъ Чорный былъ городничимъ, [а] место Могилевъ засели люди прихожие на Леткове, к Печерску идучи, то вотчичи—Сухочъ, Бутакъ Андросовичъ, около места прихожие люди селяне с Княжичъ, з Головчина, з селъ многихъ; которые сели за Дубровною, то Буйничане и Голынчане селяне, также и з Радивонковичъ. Бо первей было село Радивонковичи, а потомъ Буйничи—старые села давние; а которые сели на слободе на Гривце на берегу около Кощоваго, коло Десятиныя, продки ихъ з Смоленска пришлые Смоляне, то ест Гаврило Дристунъ, Иванъ Беляй, Максимъ и иныхъ много, также Овтушко Богатый,—тые вси з Смоленска пришли. Лет. 1526 болший замокъ зароблепъ и принято много горы Могилы, на которой теперя замокъ Могилевъ (л. 138) стоитъ по на горце Могиле, названъ Могилевъ. Почавши од Днепра, идучи подле Дубровны ажъ и за Печерское на гетой стороне кгрунты, то все Буйницкое было, а Буйничи село княженье можное держало: князь Крошинский, князь Мосалскій, панъ Баркулабъ, панъ Солтанъ, панъ Филонъ и иныхъ пановъ (*много*).

Полтескъ.

На запусты великие мясные князь Иванъ Василевичъ Московский, царь восточный, градъ славный великий Полоцокъ взялъ под кролемъ Августомъ року 1562.

Барколабовъ.

По взяти Полоцкомъ за господаря короля Августа, за митрополита Девочку, за владыку полоцкаго Варсанофия Волоха, за ласкою господаря кроля, за великие и почстивые послуги, за силное

горловане, за нелютованіе здоровя, и нежаловане маетности у справе рыцерской военной его милости пана Буркулаба Ивановича Корсака, ротмистра и старосту дисенского, на лесе глухомъ, на грунте лесномъ, на врочищу, прозываемомъ Брусъ, закликавши на волю и давши слободы год дванадцать людемъ прихожимъ за волею Божіею и за благословенствомъ людей духовныхъ заложилъ замокъ именемъ своимъ Баркулабовъ року 1564.

Такъже соорудилъ храмъ Святаго Духа а другий престолъ Рождество Господа нашего Іисуса Христа и посветилъ его року 1568. За владыку Варсонофия, за митрополита Иону, року 1568, за кроля Августа, за пана Баркулаба и за врядника его (л. 138 об.) Раковскаго села Вендорожъ, Куты, Ловечы, Будища людми прихожими засадили, а потомъ в томъ же Вендорожи року 1586 во великий постъ церковъ святого Покрова сооружена и попу Вендорожскому его милость князь Богданъ Соломерецкий тую церковъ отдалъ, бо тая была первей парафея Баркулабовская, парафея отца Алексея Гавриловича Мстиславца, отца Ѳеодора Филиповича Могилевца.

Року 1570 владыка полоцкий Варсонофий Волахъ переставился; у месте Могилеве поховано, албо погребено его через папа Филона у святого Спаса в Могилеве.

Того жъ року 1570 священника Куренскаго совершено на владычество Полоцкое именемъ Ѳеофана.

Року 1576 наехалъ, албо взято Стефана Батуру, княжа Семикгродское, на кролевство Полское. Тотъ господарь король Стефанъ Батура, княжа Семикгродское, праве былъ человѣкъ побожный, рыцерский, военный, щасливый, правдивый, правый. Того жъ року корону принялъ, а Гендрикъ король с кролевства Полского утекъ до своее земли.

На початку от него новый календарь украдоватися почалъ; прето немного лет и на свете мешкалъ.

Панъ Баркулабъ Ивановичъ Корсакъ, староста дисенский и ротмистръ кролевский, войтъ дисенский, рыцер и военникъ добрый, славный, замокъ Дисну, замокъ Вороничи, замокъ Леплю, замокъ Чашники—тые вси замки по взятию Полоцкомъ весполъ с паномъ Романомъ Ходкевичомъ сами и з своимъ людомъ позакладали (л. 139) и места поосажали людми добрыми. А потомъ року 1576 месеца августа 20 дня в понеделокъ у вечере дву годинъ в ночи панъ Баркулабъ переставился на старостве Дисенскомъ в замку Дисенке, а погребено честно тело его у месте Виленскомъ у церкви Святыя Богородицы.

Року 1578 месеца генваря 2 на Стретеніе Господне князь Янушъ Чарторийский панну Евву Баркулабовну, дочку пана Баркулабову, в станъ малженский за себе взялъ. Того жъ року 1578 на Святой недели у вовторокъ о полудни матка пана Баркулабова у Баркулабове переставилася пани Маря Кгитовтовна, городничая полоцкая, а поховано албо погребено тело ее милости у Могилеве Святаго Спаса у притворе.

Року 1579 господарь король Стефанъ Батура, кроль полский, княжа Семикгродское, под княземъ великимъ Московскимъ княземъ Иваномъ Василевичемъ Полтескъ замокъ взялъ с поляцми и литвою.

Москва Могилевъ выжгла в Петровъ постъ.

Року 1580, господарь кроль Стефанъ былъ подъ Псковомъ и взялъ городъ Псковъ, а Москва, то ест Серебреный, з немалымъ войскомъ, место славное Могилевъ выжогъ; там же у краи Шкловъ, Копысу, села велми выпустошили, такъже и около Могилева. На Орши и до Радомли, Мстиславля тыхъ замковъ не подходила ани рушила; а в Боркулабове князь Чарторийский Иванъ з войскомъ своимъ на тотъ часъ былъ, так тежъ и Темрюкъ со тристами войска татарского при немъ былъ у Баркулабове (л. 139 об.), на тотъ часъ и сторожу у Новоселкахъ московскую поймали; а потомъ Темрюкъ и князь Чарторийский князь Иванъ, взявши ведомость певную от сторожи московское, которую поймали у Новоселкахъ, то ест на имя Ивана[1]), и князь Иванъ Чарторийский заехал от Шупень, дорогою великою Шкловскою до Могилева тягнулъ, а Москва подъ местомъ Могилевомъ места жгутъ, а Темрюкъ з Баркулабова дорогою Могилевскою на Задубровеня до замку Могилева з войскомъ притягнулъ, а войско литовское у Шклове стояло. Теперъ же от Могилева почали отпирати с трехъ сторонъ: Чарторийский от Шупень, Темрюкъ з Баркулабова, войско литовское з Копыси, из Шклова, Москву от Могилева отперли, побили, отогнали. Страшно было трупу московского глядѣти, реку Днепръ силнымъ трупомъ язовища загородили, ижъ колко недель днепровое рыбы не ядали и воды не пивали, для великого гнюсу трупу московского.

Року 1579, панъ Андрей Гудовский, урядникъ баркулабовский, собравши войско немалое пешаго и конного люду триста с паномъ

[1]) Въ книгѣ пробѣлъ.

Филономъ и з его милостью княземъ Богданомъ Соломерецкимъ, старостою кричевскимъ, а надо всими тыми войсками люду учтивого яко шесть тисечей панъ Андрей Гудовский гетманомъ былъ; подъ Смоленскомъ и Рославлемъ такъ места выжгли волости, села попустошили; под замкомъ Смоленскимъ моцно и охотне штурмъ мели, толко (л. 140) не далъ имъ Господь Богъ его достати, албо выняти; з ласки Божое з добычею великою до домовъ своихъ здоровы з доброю славою приехали.

Листъ от пословъ князя великого Московского.

Божею милостю царя и великого князя Ивана Василевича всея Руси, володимерского, московского, новгородского, казанского, царя витариханского (астраханскаго), господаря псковского, и великого князя смоленского, твердского, югорского, тримского, вядскаго, болгарскаго, и иныхъ многихъ—Стефану, Божиею милостю, королю полскому и великому князю литовскому, рускому, прускому, жомоитскому, мазовецкому, княжати семикгродскому. Што первей всего по взятию Полоцка зсылалися наши бояре с твоими паны понеоднокрот, и ты о то намъ явно знати не далъ, и писалъ еси во своихъ листехъ и паны твои заводнемъ и мудрыми речами писали и того было явне зрозумети нелзе; што по прожнемъ обычаю пословъ своихъ слати не хотели есте, и мы к тобе послали пословъ своихъ, а ты приказалъ к намъ нашимъ дворяниномъ Григориемъ Афанасовичомъ Нащокинымъ рокъ, а к тому року нашимъ посломъ поспет невозможно было. И мы к тобе пословъ своихъ отпустили, а напередъ пословъ своихъ послали есмо к тобе гонца Ѳедора Шимшарова з листомъ, жебы ты а нашихъ пословъ з войскомъ почекалъ, и ты к намъ гонца своего отпустилъ еси (л. 140 об.), а самъ еси не вернулся, идешъ на конецъ землю з войскомъ, а посломъ нашимъ росказалъ еси к собе ити наспехъ, прагнучи кровъ християнскую и хотячи видячи крови розлияния во християнстве, и написалъ еси у своихъ листехъ, штобы намъ своими послы приказати вси слова и намъ почому позгинути, што тобе мило, албо любо, а от тебе не слышавши, албо которое уставишъ новое дело, чему ся стат нелзе, и мы перед Богомъ и перед тобою змиряемся, посломъ своимъ к тобе ити росказали и на которой мере.

Року 1583, месеца сентеврия 8 дня, его милость князь Богданъ Соломерецкий, староста кричевский и луцкий, приехавши з войска з службы з двору его кр. милости с подъ Пскова, по взятию, панну

Евву Баркулабовну, старостянку дисенскую, у станъ малженский за себе взялъ, а веселе было у месте Виленъскомъ.

Того жъ року 1585 у постъ Филиповъ у пущи Сидоровской его милость князь Богданъ Соломерецкий побилъ лосей десять великих а вепровъ диких великихъ осмъ, где теперъ село Сутоки и Махова.

Того жъ року Василей Сесковичъ з уряду зъехалъ, а панъ Романъ Ревут на врядъ Боркулабовский наехалъ.

Того жъ року 83, праве о светомъ Петре, албо на самый день Петра и Павла святого у Головчине робили, прудъ сыпалы. Якобы о полудни у месте Головчине у брони остроговой силный и великий громъ забилъ 12 человекъ, а трехъ (л. 141) человекъ не знашли, не ведет гдеся подели, если вода занесла, албо песокъ засыпалъ.

Того жъ року многа множества страшныхъ и великихъ чудес Господь Богъ оказати рачилъ: перуны и грады великия, сухость, морозы маль не через все лето были у Литве. От великого морозу на поли у колосьи жито посхло, многия домы пановъ зацныхъ от перуновъ великихъ погорели, зиме з морозовъ и метелицы по дорогамъ многое множество людей убогихъ, также и купецкихъ померло. А лете великий жаръ былъ: жито, яри, трава, также ярины огородныя все погорело у Литве, а звлаща около Менска, около Вилни, люди убогия з хлеба на Русь давалися—молодцы, жонки, девки, много на Русь и на Украину понаходило.

Року Божого нарож. 1584 великий князь Иванъ Василевичъ первей сына своего Өедора посохомъ пробилъ, а потомъ самъ и сынъ его старший умерли.

Року 1599 Стефанъ Василевичъ Годуновъ на царство Московское коронованъ. На весне великая вода была у Смоленску, у замку швырень зрыла, ставовъ, прудовъ много попсовало.

Року 1585 о семой суботе Хомутовский, врядникъ пана Любелскаго, села Гарбовичи, Хотетовъ, Следноки, и Струпищи, Заболотя, Батуня и иныхъ много селъ побралъ за пана Любелскаго держаня, а первей была волость замку Могилевскаго.

Року 1586 веснѣ у великий постъ панъ Михайло Гарабурда посломъ на Москву ходилъ. Оттоль вывезъ примиря (л. 141 об.) на годъ двадцать, а мешкалъ на Москве аж до семое суботы, а приехавши у Литве умеръ.

Того жъ року на святаго Юря морозъ а снегъ у колена выпалъ. Тогды на Өом(иной) недели люди овсы, ячмени сеяли, а пред

се былъ урожай добрый. Того жъ року панъ Любенский и панъ троцкий умеръ, а пану Лву Сапезе волость пана Любелскаго досталася (см. прим.).

Року 1583 календаръ новый выданъ за кроля Стефана, за митрополита Девочку, за владыку полоцкого Терлецкого ляха, бо перед тымъ былъ ротмистромъ, и векъ свой зжилъ. На тотъ же часъ было великое замешание промежи панами и промежъ людми духовными, также и людми простыми было плачу великого, нареканя силнаго, похвалки, посварки, забуйство, грабежи, заклинания, видячи яко новые свята установляли, празники отменяли, купцомъ торги албо ярмарки поотменяли,—праве было начало пристья антихристова, у такомъ великомъ замешанью. Того жъ часу почали у во Львове, у месте Виленскомъ, у Берестю школы науку выдавати, братерство якоесь установляти и тымъ законъ и веру утвержати, за патриархи не кажутъ Бога просити, ани его успоминати, толко за папежа; тепер же почали сеймы—соборы чинити и до нихъ изежчатися.

(Л. 142) Року 1586 месеца іюля на святого Бориса и Глеба в месте Могилевскомъ церковъ святыя Богородицы сооружена и через владыку посвечона. Того жъ року, 86, было посту Петрова 5 недель. Того року ячмень, овесъ сеяли на десятой недели, предсе былъ урожай великий, добрый: жита мера была грошей по 14, а чверт жита по грошей полчварта.

Того жъ року, 86, о Святомъ Духу на Москву ехалъ и на Орши былъ Еремея, патриарха Антиохийский, з своее земли до Москвы ехалъ рокъ; тогды на дорозе в него вси слуги отмерли, а мовилъ языкомъ антиохийскимъ.

Року 1586, месеца декабря 4 дня часа 9 о полудни, великий король полский Стефанъ Батура, княжа Семикгродское, переставился, а поховано у Кракове.

Року Божого нарож. 1586 взято на кролевство Полское кролемъ кролевича швецкаго.

Року 1587, зима была велми снежная, морозы силные, метелицы великие, такъ же и весна велми неуставична была: редкий день минулъ без снегу, ажъ до святого Юрья, а Юрей святый былъ 2 недели по святе; а потомъ на четвертой недели по святе в ночи были немилостивые страхи: великие дожды кгвалтовные домы подрывали, верхи позносили, яко черезъ всю тую ночь не засыпали люде,

по полямъ у пастуховъ статки градомъ (л. 142 об.) побило, а въ лесе деревемъ, у князя Головчинского много стиртъ з житомъ перунъ пожогъ, по селамъ статки мало не вси побивъ градъ по полямъ.

Того жъ року 87 на весне пшеницы переводни сеяли на 5 недели, ярицы на 7, овсы, ячмени на 8 и на девятой, але не увошли от великихъ морозовъ; еще с первое Святыя Пречистыя почалися; гречихи не косили, а хотя кто и косилъ, немного пожитку мелъ. Того року жита жали по Покрову Святыи Богородицы, овсы и ячмени жали на 3 недели по Покрове. Тотъ рокъ 87 велми был на все зґола незрожайный и голодный.

Року Божого нарожения 1587 месяца июня 7 дня послы шли московские до Варшава кроля обирати на кролевство полское по смерти кроля Стефана: бояринъ и наместникъ коломенский, велико перимъский Стефанъ Василевичъ Годуновъ, бояринъ и наместникъ коломенский Өеодоръ Михайловичъ Троекуровъ Ярославский, печатникъ и ближний диякъ господарский Василей Яковлевичъ Щолкановъ, думный диякъ Дружина Панътелеевъ Петелинъ. На томъ же сейму Варшавскомъ ничого доброго не усеймовали, бо межи панами была великая незгода: поляки вотовали на Максимиліана, цесаря християнскаго (л. 143), Литва вотовала на князя Московского, кролевая вотовала на кролевича швецкого, и затымъ розехалися, не постановивши ничого доброго. На томъ же зьезде было немилостивые посварки и забойства, выличили на томъ сейме невинне забитыхъ семъ сотъ головъ. Были тежъ на томъ сейму з многихъ и далекихъ земль, то есть от царя турецкого, отъ князя московского Ивана Василевича, от Максимилияна, цесаря християнского, от кроля швецкого, всихъ тыхъ было з розныхъ украинъ пословъ двадцать. Конвакация сентебря 20 дня: пана Кишку послали послы по кролевича швецкого Жикгимонта Третего, с которымъ кролевая сама послала двору своего выбраного люду коней пятсотъ.

Року Божого нарож. 1588 взято на кролевство Полское кролевича швецкаго Жикгимонта Третего, а короновано у Кракове на Вознесение Христово. Того жъ часу и тело кроля Стефана поховано.

Прето што ся почнетъ незблагословенства Божого и старшихъ пановъ господарей нашихъ, а за призволеньемъ белыхъ головъ, немного Господь Богъ помогаетъ и грады множитъ, албо покой даруетъ. Тепер же за держаня кроля пана нашего Жикгимонта Третего

явилася промежъ панами великая немилость (л. 143 об.), показалося отщепенство и великое гонение у святой вере на церкви Христовы, а наболей на веру каѳолическую, на веру християнскую; оставивши голову Христа Спасителя нашего, показуютъ и становятъ на то местце старшимъ головою Петра и насветшаго папежа. Были войны розные великие Зыкшмилемъ (зъ Мокголемъ) Волоскимъ, з кролемъ шведскимъ, с козаками Запорозскими, праве згола якобы мало не пуста земля была. Такъ же у збожью неурожай, голоды великие, доровъ (*дороговъ*) силная, поветрие, моры, лета непогодныя незрожайныя, праве на все недобро и неспоро было стало.

Року 1587 месеца октобря 1 дня за Жикгимонта Третего, за владыку полоцкаго Ѳеофана, митрополита Девочку, на Вендорожи посвящено храмъ Покровъ Святыя Богородицы через Федора Филиповича, священника баркулабовскаго, за благословениемъ Ѳеофана, владыки полоцкого.

(Летъ две тисячи без закону предъ потопомъ. Летъ две тисечи зъ закономъ со обрезаниемъ. Летъ две тисечи зъ евангелиемъ, то есть християнство).

Року 1588 после Петра святого былъ на Орши патриарха Цареградский именемъ; тотъ на Москву ехалъ до князя Федора Ивановича, а з нимъ три владыки, всихъ было при немъ коней 50. Тотъ бо на соборъ до места Виленского листы писалъ до митрополита и до всихъ епископовъ.

(Л. 144) Того жъ року 88, у месте Виленскомъ тамъ у тыхъ краяхъ, такъ же у Киеве и на многихъ странахъ великий моръ былъ. Того жъ року 88, от семое суботы ажъ до Рожства Христова велми великая была непогода и неуставичность: в лете дожду не было, а у восень снегу не было, толко вѣтры а дожды, у восень о святомъ Покрове велми поводокъ великий былъ, ажъ по лугомъ пошла, праве яко на весне велика была, а до Рожства Христова у Днепре вода прибывала, из береговъ выливалася.

Року того жъ 88, месяца генвара 18, после святого Аѳанасия на третий день дожды великие были, ажъ снегъ согнало, праве было яко на веснѣ: пастухи на боръ с статками погналися на паству, а потомъ за недель три знову зима лютая.

Того жъ року архиепископъ Ѳеофанъ, владыка полоцкий, господинъ благоверный, у Полоцку преставился; тамже погребено тело его честно.

Того жъ року, 88, совершено на владычество Полоцкое Афанасия Терлецкого, за кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Михаила Рагозу.

Року тогож от господаря кроля выслано напервей до Орши енералы, то есть над дванадцатми возными одинъ енералъ—местце старшое маетъ, Богданъ Биряленокъ, якожъ предъ тымъ у тых краяхъ не бывало.

Року 1589, месеца мая 30 дня, по запустахъ святого (л. 144 об.) Петра и Павла у пятницу ее милость кнежна Богдановая Соломерецкая, княгина Евдокия Баркулабовна Корсаковна, у замку Кричевскомъ за староства князя малжонка своего породила сына именемъ Исакия Долматского по прозвищу князь Богданъ, а крестилъ его старецъ убогий.

Того жъ року 89, панъ Кгригоръ Вилянтъ у закупе Боркулабовъ держалъ годъ три; онъ уволоки меския роздавалъ. Тотъ рокъ 1590, яко в лете сухость, такъ зиме морозы силные великие; было такъ, ижъ ляда у восень палили.

Року 1590, были козаки запорозкие Матюша с полкомъ, Голый с полкомъ, у Могилеве ажъ до Минска приставъство по волостяхъ брали, а кривды шкоды не чинилы, толко жонокъ охочихъ, тыхъ намовляли и заклинали, абы з ними на низъ ишли, и взяли з собою жонокъ и девокъ, яко двести поголовъ.

Року 1592, о мясопустахъ, его милость князь Богданъ Соломерецкий, староста кричовский и олучицкий, Буйничи, Чайки откупилъ и уволоки поволочивъ, а пред тымъ было многих розныхъ пановъ—князей Соколенскихъ, князей Мосальскихъ, князей Крашинскихъ, пана Филона и далей.

Того жъ року 92, его милость князь Богданъ Соломерецкий, староста кричевский и олучицкий, слободы осадилъ село Махова и Сутоки.

Того жъ року 92, ст лося великое и немилостивое замешане (л. 145) у вере от римлянъ на святую веру восточную греческую; почали соборы помесные чинити, то есть у месте Виленскомъ братство навчоныхъ людей до себе на поратунокъ прибавили з места Лвовского Григория Раготинца, Стефана Зизания. Тые силную и великую войну з рымляны мевали, не толко на ратушахъ и при рынку, по дорогахъ, но и посредку церкви святое войну, потарчку великую мевали, якожъ имъ Господь Богъ противу ихъ упоровъ великихъ из-

мышленныхъ уставовъ и законовъ николи не помогъ и не поможетъ. Тепер же почали от господаря кроля до архиепископовъ с прозбами и грозбами листы фалшивые писати и посылати по всихъ градехъ.

Року 1590, месеца июня 29, у Берестю Литовскомъ на Рождество Іоанна Предтечи былъ соборъ, за митрополита Рагозу, а за владыку полоцкаго Терлецкаго, нижли на томъ зъезде ничого доброго не вчинили, на который соборъ и его милость князь Богданъ, староста кричевский и олучицкий, посылалъ попа своего баркулабовскаго Федора Филиповича.

(Л. 145 об.) Року 1592. Жикгимонтъ третий, Божею милостю король полский, великий князь литовский, руский, пруский, жомоицкий, мазовецкий, инфлянтский, кролевства Шведскаго наближний дедичъ и пришлый. Ознаймуемъ тымъ нашимъ листомъ всемъ посполите каждому зособна, кому бы новінъ ведати належало, нинешнимъ и напотомъ будучимъ. Ижъ мы господарь видячи быти прихилныхъ ку поровнаню у вере святой архиепископовъ реліи греческое Ипатия, луцкаго епископа, львовскаго и холмскаго, которые до насъ господаря с тымъ прислали, хотячи под зверхность и благословенство одного пастыря светейшаго отца нашего папежа римского быти, ему старшенство и зверхность признати, заховавши в себе вцале вси справы и церемонии в целости во церквахъ Божнихъ. Што мы господарь видячи предсявзяте ихъ потребно до речей збавенныхъ, то от нихъ з вдячностю приймуемъ. А ижъ бы за таковую хуть свою ласки нашее господарское были вдячны и певны, тогды то имъ тымъ листомъ нашимъ привилеемъ, имъ самымъ и ихъ потомкомъ, по нихъ всихъ епископомъ, презвитеремъ и всему епископству церкви восточныя римския варуемъ и упевняемъ и словомъ нашимъ господарскимъ прирекаемъ и обецуемъ, сами з себе и з яснейшими потомствы нашими кролевства Полского. И хотя (л. 146) бы тыхъ речоныхъ епископовъ подати і листу привиля нашего от патриарховъ и митрополитовъ, якихъ же колвекъ причинку неблагословенству были на нихъ винайдованя, клятвы выношены и выдаваны, ижъ то имъ епископомъ самымъ и всему духовенству ихъ намней николи ни в чомъ шкодити не маетъ, обецуемъ, и словомъ нашимъ кролевскимъ для вшелякаго оскарженя и клятвы і оглошенья, бы и добре противу станомъ ихъ водлугъ справъ духовныхъ и светскихъ было для всихъ причинъ каковыхъ духовенство владычествъ, на которыхъ оны мешкаютъ з данины продковъ ихъ и от насъ, того от нихъ не отоймо-

вати, и при ихъ животахъ и нашимъ (иншимъ) особомъ не давати, але ихъ заховуемъ вцале, с примноженьемъ ласки нашея и вывышеньемъ учстивости во упокою на тыхъ владычествахъ, яко верныхъ подданыхъ и богомолцовъ нашихъ, поки остатнего живота ихъ ставати будетъ. И еще на тое имъ кождому, хто бысяя до таковое едности порядку прихилили, свободы волности по томужъ, яко ихъ милост духовные римские мають, также и они мають и будуть мети, што мы обецуемъ еще иншими привилеями нашими имъ надавати с примноженьемъ ласки нашея господарския. А то все обецуемъ мы господарь за насъ и за потомки наши тымъ помененыимъ епископомъ Кириле Терлецкому (л. 146 об.), владыце луцкому, Гедиону Болобану, владыце лвовскому, Леонтию Пелчицкому, владыце пинскому, Дионисию Збаражскому, владыце холмскому, Гермогену, владыце полоцкому, вцале держати до ихъ животовъ. И на твердость тое речи дали есмо имъ сесь нашъ листъ привиле, подписавшися рукою нашею королевскою, до которого печать нашу коронную притиснути есмо велели. Писанъ в Кракове, месеца марта 11 дня року 1592.

Былъ сенодъ у Берестю рок 15(36) месеца октоврія 16.

Такъ се деяло на день зьезду зложоно октобра по старому, а 16 по новому. Сходилися духовенства и рыцерства послы и панове засесть и духовеньства до господы княжати его милости воеводы киевского до каменицы пана Роского, отколь посылали до митрополита двохъ особъ от духовныхъ, а двохъ с кола рыцерского, ознаймуючы, ижъ се зьехали на сенодъ, абы ознаймилъ местце, на которое бы ся (л. 147) сходили з ними для намовъ, тому часови належачихъ. Онъ отказалъ, ижъ еще не намовилися о местцу, але до заутрешнего дня четверга 7 октобра отложилъ. И прибита была карта от него в церкви соборъной мурованой, тамъ местце схоженю ознаймуючи. В томъ часе мелъ быти ему данъ позовъ духовный от отца Никифора, ексарха, посланого на то от Гаврилия, патриархи Костентинополского, абы передъ нимъ становился назаутрее для усправедливеня в таковыхъ выступкахъ, в чомъ будучи от когос перестережоный, митрополитъ и владыка крылися у господе ксендза бискупа луцкого. Того дня не рано у середу прибылъ до Берестя его милость панъ воевода троцкий, и заразъ былъ у его милости княжати воеводы киевского, который повѣдилъ, ижъ естъ послове от его крол. мил. на тотъ сенодъ зъ его милостю паномъ канцлеромъ и паномъ подскарбимъ, которыхъ же немашъ, абы се тымъ

его мил. не ображалъ. Тую обмову его милость кгды княжа в коле поведилъ, тымъ вси были ображени людскимъ повоженьемъ, же ихъ милост знати не дають и не давали и стерегли уплыненье ся часу сыноду. Сынодъ зачали того (л. 147 об.) дня. На самымъ року маршалка обрали духовные, также поселствъ с килку поветовъ слухали. У четвергъ заседали княжа воевода киевский из сыномъ княжатемъ, воеводою волынскимъ, велми рано на свитанью до его милости пана воеводы троцкого, а были тамъ годинъ зекгаровыхъ болшъ пяти под полудень. Втимъ приехалъ панъ канцлеръ с подскарбимъ и шли просто до воеводы троцкого, где и князя застали и знову толкожъ часъ немалый сами стравили. От себе слали пословъ до митрополита шесть особъ с кола рыцерского, 6 особъ духовныхъ, 6 пословъ з места, давши до него мовене, и на писме доложивши в немъ, абы часу не зволочилъ а з ними зышолъся и намовилъ. Кгдыжъ тотъ зьездъ толко народу рускому зложонъ, дознавши его быть, и тыхъ владыковъ отщепенцами оныхъ за пастыровъ немети, а иныхъ обрать, а ихъ зложить старатисе будутъ, если о собе справы певное не дадутъ публице, если при старой вере и благословенстве патриарха стоятъ.

Тыхъ пословъ поткало княжа,—вжо ехали до митрополита. Тые послы митрополита зостали вже в пановъ сенаторовъ менованыхъ. Которому кгды такъ поселство (л. 148) веселое прочитали, просили о цедулу тую; одно ей имъ не дано. Тые вси прошли от митрополита безъ отказу, обецуючи своихъ послать, яко заразъ и прислали пана Прецвица, кашталяна каменецкаго, пана Шуйского, третего каменецкого инстикгатора. Тые до княжати его милости широкими словы речъ учинили о томъ поселстве, ижъ то з господы в(ашей) м(илости) ровне яко отповедь, або декретъ якимъ былъ посланъ до митрополита, ображаючисе тымъ о то, ижъ имъ того тамъ писма не зоставили: кгдыжъ они головного по того зьезде местце его кр. милости поведаючисе быть конклюзыи одной, одное справы безъ ихъ милости быти не могла. Княжа учинилъ обмову, ижъ тамъ былъ у ихъ милости, однакъ держачи то от ихъ милости всихъ, же што колвекъ чинили, то бачне чинимъ и при нихъ стоитъ и стояти будетъ; потомъ розвелися троха з речу до плачу, же се то они ничымъ ображають: „Мы вси маемъ ся тымъ ображати от тыхъ здрайцовъ нашихъ, которые то наварили и от тыхъ, хто имъ того помогаеть, вжды терпливе зносячи явную кривду, на Бога помсту и оборону положивъ“. Потомъ поведилъ панъ Гулевичъ, человекъ досыть добре

(л. 148 об.) годный, маршалокъ обраный, ижъ *(не)* княжа его милость, але мы вси послали, а княжа его милость естъ яко одна персона. Если ихъ милость и оные послы поведели, жехмы не до васъ посланы, але до ихъ милостей княжатъ, а до новокрещенцовъ и енвангеликовъ, не мемъ жадное справы. На тотъ часъ где они будутъ, тамъ ничого слушного постановлено быть не можетъ. Онъ тежъ поведалъ: „я тежъ васъ не прошу, абысте який отказъ чинили от мене“. Княжа тежъ оповедаючисе вобецъ, же ничого без нихъ в той справе чинити и мовить безъ ихъ милости не хочетъ. Потомъ по малой хвиле прислали ихъ милость, же сами хочутъ быти у княжати. И приехалъ панъ воевода троцкий, панъ канцлеръ, панъ подканцлерий и шли на упокой до княжати. По годинѣ маютъ быть у княжати, прислалъ до кола, ижъ хочутъ ихъ милость быти у в(ашей) м(илости), а то вже было смеркшисе; чекали на нихъ килка годинъ. Втомъ образившысе тымъ вси, ижъ такъ долго на нихъ чекаютъ, кгдыжъ не вемъ, о чомъ намовы сами з собою чинятъ: зде идетъ о всихъ насъ и сумненя нашого. Прирекши у пятницу о 14 године зъехалисе(*тисе*) и речи зача(*тьи*) кончити и разъехалисе, а гурмомъ з нареканьемъ. И то могли сенаторове слышать добре, бо были окна на улицу (л. 149), а гукъ немалый тежъ былъ людей. На завтрее в пятницу по мене прислав панъ подскарбий и иныхъ собравъ до себе, тамъ же напоминалъ: а што ведать, якую с того потеху, обецуючы на потомные часы, ведучи до згоды; чого а николи в насъ не могъ зеднати з отказу, же мы нехочемъ быть таковыми, яко тамъ тые отщепенцы. Онъ мне отказалъ: в(аша) м(илость) не смеешъ пана воеводы смоленского. И на томъ заплатилъ, жемъ не отъ его милости приехалъ, але самъ от себе. Потомъ ехалисмы до кола до братии. Тамъ же была инструкция поселствъ, читаныхъ зо всихъ земль и поветовъ, земли Волынское, с Подоля, с Подгоря, з Руси, из Литвы, зе Львова, с Киева, с Премышля, с Пинска, же много ихъ плачомъ были порушони, у пословъ самыхъ привилевъ браты ихъ; указовано, колко постановеныхъ порядковъ патриарха Костентинопольского, а по тымъ часе от королей ихъ милостей конфѣрмованыхъ доводовъ. Засе на писме, што ведятъ, якъ много указалосе на митрополита, якъ писалъ до людей листовъ зашитыхъ и отвористыхъ, упевняючи ихъ, ижъ не ведаетъ, ани мыслитъ о томъ отщепенстве. За тымъ реченье мовены были, не быти имъ послушнымъ, от духовныхъ. Тежъ декретъ на писме былъ наготованъ, коли панъ каменецкій (л. 149 об.) и з нимъ

княжа воевода волынский отъ пановъ пословъ его крол. милости, абы с кола рыцерского было высажено депутатовъ чтыри, а з духовныхъ чтыри. Также много они своихъ не ведаючы, ижъ до добрыхъ речей хочутъ се зносить, до чого далися намовити, еднакъ неинде и на иншомъ месте, одно тамъ же, где смы заседали; в другой избе варовавши собе тож, абы ихъ депутаты в жадную се речъ без ведомости всего кола не вдавалися; але поданые, от них слышавши, до кола принесли. Тамъ панове сенаторове дали невинне нашимъ латине. А потомъ скоро казанье вчынилъ на две године княжа. Наши килку посланцовъ слали, зовучи своихъ до себе, что обачивши сенаторове казали му кончити. И пришли наши. Тож штосмы розумели, принесли намъ, ижъ хочутъ згоды, абы папежа головою признати, календарь приняти. На то собе не дали наши речъ ани слова, отказали до нихъ черезъ пана Древинского и пана писара володимерского, ижъ на то зезволити не могутъ з многихъ причинъ на тотъ часъ, ажъ не всимъ порадкомъ тако верячы и неслушнымъ поступкомъ зачалися о направы в речахъ духовныхъ, с такъ малою частю людей духовныхъ ничого становити не могутъ; але папежъ нехай с патриархами о томъ намовитъ, або (л. 150) порозумене вчинившы сеподъ зложатъ и о томъ становятъ, а мы без старшихъ своихъ духовныхъ о томъ и мыслити не хочемъ. Тыи принесли орацыи до нихъ, жалосно учинено, упорными зовучы. За тымъ декретъ от того наместника патриархового оферованъ. Втомъ ноч зашла. В суботу скоро смы се зешли до кола, декретъ патриаршый и проклятство на митрополита и владыки было по руску чытано, переложено з кгрецкого, барзо словы пienкными и досыт жалосными. В томъ панъ канцлеръ литовский прославъ до мещанъ виленскихъ, зовучи ихъ до себе, которые пойти не хотели до ихъ згоды. Тот же имъ отповедалъ, ижъ того з жалемъ и со клопотомъ уживете,—што они светчили в коле. Панъ маршалокъ тежъ нашъ усказалъ до пана канцлера, ижъ есте, панове Литва, стратили,—тымъ преводимъ не мало панства до Полски. В томъ заразъ от пана канцлера и от пана подскарбего пришли до княжати воеводы киевского инъстикгаторъ каменский с килку слугъ ихъ, припоручаючы у тридесяти тысечей золотыхъ оного екзарха посла патриаршеского, зовучы его шпекгомъ з Белъгоръ(*ода*) и до того Стефана и поповъ зовучы ихъ выволанцами. На што княжа имъ отказалъ, ижъ не толко ве тридесяти тисечей золотыхъ, але и в килку кроть сто тысечей приймую и на сейме ихъ

становити будутъ, а тамъ се откажетъ, если (л. 150 об.) слушне выдають выволане на людей невинныхъ; а хто слушне заслужилъ, на того не выдаютъ; а коли колко былъ, а вказувано на то и грека, тотъ отецъ Никифоръ Азар Протасый, сей яко бы первоседалникъ по патриарсе, пыталъ, што то за кголкъ; поведалъ му по грецку, ижъ его препоручаютъ. И ставъ на лаве, упросивши, поведалъ, ижъ тотъ самъ здрайца, хто мене здрайцою подоймоваетъ, духовный жены детей нимашъ, абыхъ се ме того подоймовать для набытя маетности, але и свое острадалъ для имени Христова; але тые сами сут здрайцами, ижъ крадутъ християнъ, подмовляютъ, розные причины найдуютъ. И вказалъ привилей свой всихъ чтырехъ патриарху посланныя его в тотъ край зо всякою моцъю, яко бы самъ патриархъ былъ доброволного приеханъя на сейме, обецуючысе ставити, яко и станетъ. Такъ же княжа его милость, жалемъ будучи порушоный, вказалъ до пана канцлера и до пана подскарбего, ижъ нехай королемъ его милостю не грозятъ, бо онъ весть, яко повинность и веру пану своему хова, и его фамилия старожитна, не новотна; але нехай ихъ милость мовятъ, мне грозятъ сами собою; если што маютъ до мене, ставлюся ихъ милости всюды, где ми кажутъ. Потомъ прислали князя Шуйского из другимъ якимсь лешкомъ, ижъ в насъ згода доходитъ в костеле (л. 151), если воля в(ашей) м(илости) быт тамъ з собою помоч быти. Поведилъ, же заразъ пошлемъ. Десять человекъ с кола рыцерского, десять особъ духовныхъ, десять пословъ мещанъ выправлено, або протестацыи осветченье вчинили,—на то не зезволятъ. И возные были з княжатемъ и енераловъ килка. Которые кгды приехали до костела, тамъ ихъ до фортки гайдуки пана подскарбего и пана воеводы троцкого и слуга не пустили; они тежъ ехали назадъ з великою жалостю. А то было в суботу вже не рано. Того дня княжа воевода волынский, волынцовъ и подолянъ мело быть не мало у пана подскарбего на обеде, и не были тамъ, будучи тымъ барзо ображоны. Протестацыи не принято в замку нѣякихъ нашихъ. Митрополита и владыковъ праве кгвалтомъ, слыше, примушано до присяги. Они просили для Бога на отложеньи до сейму, але арцыбыскупъ лвовский, бискупъ луцкий, панъ канцлеръ ихъ упевняли ласкою кр. его милости, обецуючи то имъ, привели ихъ до присяги, а тамъ же митрополитъ з четырма владыками присягнулъ на старшинство папежу, на календар и на артикулъ, ижъ Духъ Святый от Отца и Сына походитъ и на едность костела. И заразъ в неделю

хована того жъ року месеца мая в неделю середопостную в церкви Баркулабовской; вышей крыласа левого гробъ ей бысть.

Того жъ року 94, по святе велебномъ, Нафтанаилъ Терлецкий, владыка полоцкий, с того света переставился. Жилъ на свете своего живота летъ шесть (проп.?). Тотъ помаленку уводилъ новый календаръ, бо былъ родомъ полякъ и мовилъ пополску.

Лета Божого нароженя 1595, месеца ноября 30 дня в понеделокъ за тыдень вередъ святымъ Николою,—Севериянъ Наливайко; при немъ было козаковъ 2000, делъ 14, гаковныцъ (проп.). Место славное Могилевъ, мѣсто побожное, домы, крамы, острогъ выжгли, домовъ всѣхъ яко 500, а крамовъ з великими скарбами 400. Мещанъ, бояръ, людей учтивыхъ такъ мужей, яко и женъ, детей малыхъ побили, порубали, попоганили, скарбовъ теж незличоныхъ побрали с крамовъ и с домовъ. Тутъ же войско литовское пана Радзивила троцкого, гетмана литовскаго, до Могилева у погоню за козаками притегнули люду рыцерского коннаго збройного, Татаръ 4000, Литвы 14000. Над тымъ людомъ былъ (л. 154) гетманомъ на имя Миколай Буйвидъ. В той часъ Наливайко лежалъ у Могилеве две недели. Услышалъ о томъ Наливайко, ижъ гетманъ з великимъ людомъ и з делами до Могилева тягнетъ, тогды Наливайко з Могилевского замку на гору Илинскую, где тепер церковъ святого Георгия стоитъ, бо на тотъ часъ не было, выехалъ. А такъ войско литовское на поли Буйницкомъ, именю велможного его мл. князя Богдана Соломерецкого, старосты кричевского и олучицкого, на войско Наливайково вдарили и кругомъ оступили. Тамъ же зранку ажъ до вечера, яко бы вже к вечерни звонити часъ, межи собою битву мели, якожъ Литва з войскомъ великимъ натискали на войско Наливайкино. Предсе одинъ другому войску мало шкоды учинили, бо великую армату, такъ дѣлъ и гаковницъ, пулгаковъ велми при собе множство мелъ, также людъ свой отаборивъ конми, возьми, людомъ, шолъ моцно. Якожъ з дела с табору Наливайкины козаки пана зацного пана Григория Анюховского забили; первей коня под нимъ застрелили, а потомъ, выпадши с табору, козаки его самого розсекали. Тепер же Литва от козаковъ отступивши, до Могилева на болший лупъ поехали, а козаки на всю ноч ехали до Быхова ажъ на низъ. (л. 154 об.) Литва за казаками гналася ажъ до Рогачева, да ничого згола не вчинили козакомъ; а Литва и Татары рушилися до Менска, до Новагорода и до Вилни, набравшися тутешнего краю лупу.

По выеханью казаковъ и Литвы, тогды было зиме ни зима, ни лѣто, ни осен, ни весна ажъ до месеца мая до святого Аѳанасия снегу не было.

А ижъ козаки Наливайкиного войска почали творити шкоду великую замкомъ и паномъ украйного замку. Того жъ року 95, з войскомъ литовскимъ погонивши в селе Лубни, на речце Суле, козаковъ побили. Первей Савулу стяли, Панчоху чвертовали. А Наливайка Северина, поймавши по семой суботе, до кроля послали, тамъ же его замуровавши, держали ажъ до осени святого Покрова; тамъ же его чвертовано.

Року 1596. После Духа Святого поставленъ на владычечство Полоцкое Григорий, протопопиничъ виленский, названъ быст на владычестве Гермогеномъ. Того жъ року 96, за митрополита Рогозу, за Жикгимонта Третего, за канцлера Лва Сапегу, у Берестю правдиве на соборе владыка луцкий, владыка володимерский, владыка полоцкий, иныхъ мало не вси приступили и подписалися до нового календару. Того року почали Бога просити за патриарху Гавриила Константинополского, 1596 (л. 155). Лета Божого Нарож. 1597 было Благовещеніе в пятокъ великий. Тотъ рокъ велми былъ недобрый: были хоробы, болести розмайтые, многие, великие; зима была люта, снежна, на санехъ ездили по святе Велебномъ недели две. Почали орать пашню по святе на пятой недели и то велми было грязно; также и вода велми велика была, шкоду великую низкимъ местомъ и дворомъ, прудомъ починила, плоты, также иструбовъ много также порозносила. Жита чверти купили по гр. 12, овса чверть гр. пять. Ярицу, овесъ того року починали сеяти на девятой недели, досевали овесъ и ячмень на 13 недели. Того жъ року было Петрова посту недель 5. Тогды позная ярица высыповалася за неделю пред святымъ Ілею, а предсе увошла; умолотъ былъ средний—ни лихъ, ни добръ [1]).

(Л. 156). Року 97. Во великий постъ его милость князь Богданъ именемъ Исакий у месте Баркулабове почалъ учитися поруску грамоте и покгрецку; а былъ бокаларемъ панъ Лаврентий Зизаний, человекъ навченый, з места Виленского прибавленый. А родился его мл. князь Богданъ в року 88.

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ копія грамоты протосингела Никифора, передающая духовную власть протопопу минскому Родіону и повелѣвающая поминать въ молитвахъ имя патр. Гавриліа, вслѣдствіе отлученія отъ церкви Мих. Рагозы.

За господаря кроля Жикгимонта Третего, за канцлеромъ Лва Сапеги, за митрополитомъ Михаиломъ Рагозою, за владыкою полоцкимъ Гермогеномъ, за новымъ календаромъ, за смиреніемъ и благословенствомъ преосвященнаго святейшаго вселенского патриархи Киръ Рафаила, за архиепископа его Гедеона Болобана, владыку илвовского, также и за духовника своего отца Федора Филиповича, свяіценика баркулабовского, благоверный панъ его милость князь Богданъ Соломерецкий, староста крычевский и олучицкий, на власномъ кгрунте своемъ Панковскомъ и Новоселскомъ на речце прозываемой Дашковце, на лесе—пущи сыромъ корени, закликавши и давши слободы, албо волности людемъ прихожимъ на годъ петнадцать седети, волно медъ сытити, пива варити, горелку курити, заложити рачилъ именемъ своимъ место Богданово, на тотъ же часъ и церковъ то ест храмъ святого (проп.) заложити рачилъ, на том же (л. 156 об.) имению своемъ именованомъ Богданове,—также именемъ и сына своего князя Богдана место Богданово.

Року 1598. Того року были хоробы, болести многие розмаитые, зима была мала снежная, а предсе рано стала, запоромъ зышла. Того жъ року пану Сапезе Лву, канцлеру литовскаму, досталося староство Могилевское в держане, а от него урядникомъ былъ на Могилеве Голубицкий, хоружий полоцкий.

Року 1599, у вилию Рожства Христова по старому, рачилъ быти на чести у Баркулабове у его мл. князя Богдана Соломерецкого его мл. панъ Левъ Сапега з многими зацными паны велможнеми у месте Баркулабове. Того жъ року 99, месеца генвар 6 дня у волторок, князь Петръ Жижемский, староста речицкий, рачилъ заручити панну Крыстину у его мл. князя Богдана Соломерецкого, старосты крычевского и олучицкого; а веселе было року 1600, по светомъ Крещении в неделю.

Року 1599. Тотъ рокъ былъ велме меженский, албо голодный: жито куповали чверт по таляру, а мера жита по две копе безъ двадцати грошей; а предсе здоровый на люди. А куповати збоже было везде много, такъ у домахъ, якъ и в торгу, толко дорого.

Року 1599, месеца мая 27 дня, праве в семую суботу (л. 157) с полудня, у месте Баркулабове пришла до церкви Боркулабовское дочка жидовки Марямки, арендарки боркулабовское, именемъ Стирка: и пилне слезне упадала и просила священика боркулабовского Федора Филиповича для Бога, абы была прекрещена у веру християн-

скую. Якожъ порадившисе с паны постронными, з боярми, земянми, з шляхтою и з урядникомъ баркулабовскимъ паномъ Федоромъ Плетинскимъ, наупоминаучы писмомъ святымъ и приводячи ее до памети, если правдиве маеш тотъ умыслъ християнкою быти ни для малженства, абысь мела за которого человека християнского замужъ пойти, албо для лакомства маетности, али правдиве. Оная жидовкаименемъ Стирка тыми словы отповедала, стоячи пред церковъю пред всѣми зацными паны и пред народомъ християнскимъ: ижъ дей я, панове мои, вже давно з молодости моея, а правдиве дей вже полтора рока, яко сама ся на то позволила, просячи со слезами Господа Бога, и кладучи честный святый крестъ, ложачися и вставаючи, на лицы своемъ, абы мне далъ то видети, християнкою зостати; с хутъю и з великою радостю того прагну Христову веру мети. Якожъ на завтрии (л. 157 об.) в день Сошествия Святого духа з народомъ Божимъ и много множтво ,пановъ шляхты людей учтивыхъ, такъ мужей яко и женъ и детей, яко ярмарочного часу крещена была, у ваннѣ погруженна, и названо во святомъ крещенiи именемъ Елена. Того жъ дня матка ее Марьямка с крикомъ, с плачемъ, для Бога просечи, приходила тутъ же до крестилницы, падаючи просила, абы ее не крестившы пустили, обецуючи за то великий поклонъ и подарокъ дати. Якожъ нѣкоторые мещане видели многое чарованъе оное Марямки, што она поганскими чарами египетскими дочце своей чинила: яко была везена до ихъ милостей князей до Буйничъ, оная Марямка, улезши у лазню студеную, голову открывши, волосы роспустивши, печку розметала, чаровные поганские слова говорила, проклинала, обема рукама назадъ кивала, ноги свои везала, иного много зла поганства творила, проклинала, абы жива не была.) Тотъ рокъ 99 былъ велми урожайный, добрый, здоровый, погодный, на всемъ добрый. Жито куповано чверть по грошей петнадцать, а мера по 40 гр., овса чверт по 4 гроши, мера овса гр. 16, жито, гречиха, овесъ, пшеница— на то на все велми былъ урожай добрый.

(Л. 158) Року 1600. Того року была зима люта и снежная. Благовещенiе было на святой недели в (пя)токъ. Почали орати по святе на четвертой недели. Того жъ року, месеца апреля у понеделокъ на святого Мартина папы римъского, взявши з науки от Лаврентия заразъ дано до науки латинския, до пана Максима Герасимовича Смотрицкого.

Листъ от пана некоторого з рокошу выписаный о новинахъ рокошовых.

Новины в. м. ознаймую, которые ми в тую пришлую среду, праве вседаючому на роскошъ с Подляша мене дошли. Преписъ з листу словъ власныхъ до мене писаного в. м. выписую. Нещасливые новыны моему милостивому пану ознаймую, же наши битву з рокошаны програли, што кролевской милости пришло людей тридцать тысечей чужоземского на помочъ. Который надею великую маючи а до того рады злое услухавши, легце себе важечи пановъ рокошанъ, которыхъ не было болшъ над пят тисечей, хотевъ ихъ смерти, але они плацъ отрымали. Хотя з обу сторонъ не мало пало, але еднакъ стороны нашей чужеземского люду немцовъ не мало пало. То уже битва была по выезде моемъ с Подвыслицы, зачымъ тутъ наши Мазурове и Подляшане и иншихъ воеводствъ (л. 158 об.) бегутъ зараземъ за ознайменьемъ от тамътоль от пановъ депутатовъ, якъ на кгвалтъ, яко перепис универсалу тые новины от понеделка 8 дня октобра на выезде моимъ тые новины принесены [1]).

Року 1600. Панове волынские, панове литовские, также козаки Запорозкие, змовившися и знявшися вси вкупе, Волохи отгамовали, войска Могилево побили, армату отняли; воевода Мултянский втекъ из Мигалем, трохи не поймали, и много за нимъ гонили (л. 162) ажъ до границы Мултянское. Троха ся было успокоило. За то была дана козакомъ лежа у Киеве, гетманомъ былъ Самуелъ Кошка; лежала у Гоми, в Речицы, в Рогачове, у Баркулабове на пристанство ажъ у ждали (sic). Року 1600, месеца августа 8 дня с понеделка на второкъ, панъ Левъ Сапега, канцлеръ великого князства Литовского, староста могилевский, албо тежъ за росказаньемъ его милости слуги его милости панъ Голубицкий, врядникъ Печерский, Янъ Рожновский Требухи до замку Могилевского привернули, а тое имене было от вековъ на манастыръ Печерский Святыя Богородицы надано отъ княжатъ Буйницкихъ по самую речку Дубровню,—то все Буйницкий кгрунтъ былъ.

Року 1600. Того року было Благовещеніе на святой недели у вовторокъ.

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ два документа: 1) Универсалъ рокошовый 1606 г. отъ 25 сент. и 2) „Року 1606. Ассекурація то есть вольность“.

Року 1600, месеца сентевріа 18, в че(тверто)къ панъ Янъ Варшавский, также его милость панъ Левъ Сапега, канцлеръ литовский, староста могилевский, на Москву до царя восточнаго князя Василия Годунова послами ходили, и з ними княжатъ пановъ зацныхъ множество и мешкали на Москве недель 20 Тамо ж приняли примире на годъ 20.

Того жъ року 1600, октов. 7 дня, Гермогенъ, владыка полоцкий, если за грехъ свой, албо з Божаго допущеня, первей того хоревъ у Полоцку, потомъ у месте Виленскомъ (л. 162 об.) лекарство поживалъ. тамъ же едучи з Вилни въ дорозе (въ) Сморкгоинехъ тамъ же смертию ганебною животъ свой скончалъ, смерть претерпевъ; яко былъ на пастырство дирею взлезъ, также в дири, в дорозе, зле животъ скончалъ. Того жъ року у самую у восень не по обычаю месеца сентеврия 17 дня у волторокъ отъ западу силный великий громъ былъ в насъ и по всимъ сторонамъ велми силно гримелъ, также и блискане молонп было; а в ночи морозъ и вѣтеръ былъ, а тое было прознаменование— напредѣ будешъ читати рок Христа 602, 603: великие болести, хоробы, такъ же войны великіе, голодъ, неврожай силный; было поветрие албо моръ на людей перехожихъ, множество на низ идучихъ: около тысецъ 4000 з голоду мужей и женъ детей пошло, такъ ижъ страшно было видети, ижъ на улицахъ по дорогахъ, по гумнахъ, у ровехъ псы мертвыхъ многихъ тела ели.

Року 1601 великая война была у Вифлянтехъ с королемъ Шведскимъ за Жикгимонта Третего. Того жъ року Запорозкие козаки у Швецыи были, да ничого не помогли, толко великую шкоду господарю вчинили, бо место славное место богатое Витебскъ звоевали, мещанъ побили, панны поплюгавили, скарбы побрали, (л. 163) многое множество людей порубали, незличеные скарбы побрали.

Того жъ року 1601, по волости Могилевской гайдуковъ до Вафлянтъ выбранцовъ выбирали.

Того жъ року 1601, за господаря кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Потея отщепенца, за вселенского патріарха Киръ Рафаила, постановлено на владычество Гедиона, а первей звано его Миколаемъ; и тотъ отщепенецъ. Того жъ року 601, месеца августа пятого дня, преставился священикъ Юревский отецъ Тимофѣй Алексѣевичъ, а справовалъ ерейства своего годъ 4. Парафея его была полместа: село Билевичи, Ходутичи, Липовка, Панковичи, Новоселки, Тризнина слобода, село Лежнево, Богданова слобода.

Року 1601. Тотъ былъ неуставичный: то ест почали жито на хлебъ жати голодные люди пред Усѣкновениемъ главы святого Іоана Предтечи, а въ копы почали жито жати на святого Симеона Столпника; и то было зерня велми мякко. А дожали жита передъ Покровомъ за 2 недели, бо дождъ уставичне шел недель 12. Яр почала высыповатися о святомъ Петрѣ, а по святомъ Покровѣ за две недели почали яръ жати; и то было зелено. А потомъ цосле святого Симеона Столпника ок. 4 дня снегъ (л. 163 об.) великий выпалъ; прето што было пашни, ярицы, овса, пшеницы, ечмень, горохъ. бобъ, то все снегомъ напало, и великую яри шкоду учинило. Згола было всему не добро, якъ збожю, также и людемъ; а предсе цена збожю средняя была. Якожъ и знакъ тому упадку збожю: в року 600 было зле, громъ гримевъ у восень по Воздвижению Честного Креста.

Того жъ року 601 были у Швеции козаки запорозкие люду четыре тисечи, над нимъ былъ гетманомъ Самуель Кошка. Тамъ же того Самуила убито, а поховано у Киеве. Нижли тамъ у Швеции козаки запорозкие ничого доброго не вчинили ани гетманови и пану королю жадного ратунку не дали, толко з Швеции утекли, а тутъ на Руси Полоцку великую шкоду чинили, а место славное и великое Витебскъ звоевали, злата сребра множество побрали, мещанъ учтивыхъ порубали, и такъ шкоду содомию чинили горше злыхъ неприятелей, албо злыхъ татаръ.

Того жъ року 1601, месеца октобра десятого дня, цѣлую неделю снегъ сильный и кгвалтовный ишолъ, выпалъ до полголени; также и буря силная была. Тогды пшеницы, ярицы, овесъ, гречиху, горохи и вси овощы, виликое множество ярицы на поляхъ непожатые, также и копы жатые снегомъ (л. 164) позаметала метелица, иж было жалосно и страшно гледети и выповедити уздыханя и плачу людей убогихъ, пашниковъ немаетныхъ. А такъ лежалъ тотъ снегъ 2 недели ажъ до Дмитровы суботы; якожъ з великихъ морозовъ река Днепръ был замерзъ, и ездили по немъ яко середъ зимы. А потомъ за ласкою Всемилостивого Господа Бога для плачу и великого уздыханя снегъ росталъ и река Днепръ расплынулся. А потомъ почали жати—горовати по снегу у стужу. Были тежъ морозы великие, огнѣ клали, сами грелися, ижъ страшно и жалосно было гледѣти: три—два человеки на ден ледво сноповъ 40 нажнутъ овса албо ярицы, бо велми к земли прилегло. Люди убогие, якъ на весне жали—горевали. але

вже толко для статку, а того много статками на весне сами господари свое збоже травили; маки, горохи, бобы, проса, репа—то все згола погинуло. А которые молотили ярь, зерня толко знакъ, а коли змелетъ, спечетъ,—то у печи испечется, а з лопаты у печъ не зложит; с печи ажъ ополоникомъ выберет. Також и жито велми было не умолотно; а коли муку житную у хлебе спекуть, то тесто печеное солодко, а за скорину хотя ложки клади, а в печи не печется. У восень роли (л. 164 об.) и жито сеяли которые старымъ житомъ, то предсе ни во што, а которые житомъ новымъ сеяли, тые ни жали. Якожъ две доле тыхъ людей было которыхъ оралы и не сеяны были. На лето куповали жито чверть по грошей 35, яры по гр. 40, пшеницу куповали чверть 40 грош., овесъ по гр. 40, конопель чверть 20 грош., горохъ чверть 20 гр. А тотъ гневъ Божий был и непогода, почавши от Менска до Полоцка к Витебску, до Орши, до Мстиславля, до Пропойска, до Рогачова, Могилава, Любошаны. Потомъ у Речицы, в Лоеве, в Киеве ажъ на Волын добрый врожай былъ. А такъ потомъ много множества людей убогихъ зъ голоду на низъ з жонами и детками и зъ семею, што ижъ страшно было не толко видети, але трудно было и выписати, то ест з верхъ з волости Шкловское, з Друцка, з Дубровны, з Круглы, з Бобря, з Витебска, с-под Полоцка, с-под Менска и з иншихъ многихъ украинъ. Того жъ року была зима злая, снеги великие и силные были морозы. Многимъ людемъ поморозило кому ногу, кому пальцы, другому видъ, уши, носъ, а другие з морозу померли. А коли вже была весна в року 1602, тотъ находъ людей множество почали мерти; по пятеру, по тридцати (л. 165) у яму (хоронили). Хворыхъ, голодныхъ, пухлыхъ многое множество,—страхъ видети гневу Божого. А такъ при великихъ местохъ человека по едному у яму ховали, священники проводили. Тамъ же которые шли на низъ, тые вси тамъ померли, мало се зостало. А такъ мерли одны при местахъ, на вулицахъ, по дорогахъ, по лесахъ, на пустыни, при роспутияхъ, по пустыхъ избахъ, по гумнахъ померли. Отецъ сына, сынъ отца, матка детки, детки матку, мужъ жену, жена мужа, покинувши детки свои, розно по местахъ, по селахъ розышлися, одинъ другого покидали, не ведаючи одинъ о другомъ,—мало не вси померли. А коли тотъ находъ у воротъ, албо в дому у кого стоячи хлеба просили, отец з сыномъ, сынъ с отцомъ, матка з дочкою, дочка з маткою, братъ з братомъ, сестра з сестрою, мужъ з жоною, тыми словы мовили силне, слезне, горко, мовили такъ: „Матухно, зезулюхно, утухно, панюшко, спода-

риня, солнце, месецъ, звездухно, дай крошку хлеба!". Тутже подле воротъ будетъ стояти зраня до обеда и до полудня, такъ то просячи; тамъ же другий под плотомъ и умретъ.

Того жъ року куповали жита чверть 40 грош., пшеницы чверть 50 грош., овса чверть грош. 38, гречихи чверть грош. 40, гороху чверть грош. 40, конопель чверть 50 грош., капусты ведро кислое 3 грош. (л. 165 об.) ушатокъ капусты кислое 24 гр., ячмень чверть грош. 70. А коли варива просили, тые слова мовили: „Сподарыня, перепелочко, зорухно, зернетко, солнушко, дай ложечку дитяку варивца сырого!". Того жъ року 602 з ласки Божей весна почалася добре, нижли до святого Юря ледво штос жито посееное почало з земли являтися, а другое усходити, и то потросе; почали орати на Страстной недели, а нѣкоторые до свята потросе маку, пшеницы посеяли.

Того жъ року на Страстной недели во среду громъ загримелъ велми грозный з дождемъ и з бурею немалою. А то былъ знакъ недобрый и праве злый, бо на десятой недели того жъ року 602, в четвертокъ великий, страшный былъ морозъ: што было цветовъ, то все поморозилъ. Правда початокъ былъ грозный, а остатокъ плачливый: што было огородныхъ речей—капуста, ботвинье, цибуля, маки, горохи, ячмень, ярица, то все морозъ побилъ, чого з великимъ плачемъ было видети—тыхъ людей голодныхъ, которые толко огороды были засеяли, а жита не починали. У восень цена всему збожю была такова, якъ в року выш описанъ.

Того жъ року 602, у восен жито посеяное велми было урунилося (уродилися). З ласки Божей осенъ была погодлива и вдячно глядѣти,—было велми зелено. Также севба (л. 166) позная добра была. Того жъ року 602, веснѣ и летѣ на люди были з Божого допущеня хоробы великие, горючки, бегунки; по местахъ, по селахъ много малыхъ детокъ померло.

Того жъ року 602 за кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Потея отщепенца, за владыку полоцкого Гедеона, за светейшаго патріархи Киръ-Гедиона, месеца сентебря 7 дня со олторка на среду о полночи, канонъ Рожства Святыя Богородицы, славный панъ християнский панъ побожный церкви Божой миловникъ князь Богданъ Соломерецкий, во святомъ крещении называемый Алимпей, его мл. староста крычовский и олучицкий, на старостве своемъ во граде Крычове переставился в добромъ сумненю и памети; а погребено при славной памети пану отцы Ива-

не в Соломеричахъ в церкви святого Покрова. Того жъ року князь Иванъ Соломерецкий у Высоцку преставилъся.

Року Божого нароженя 1603 были козаки Запорозкие—неякий гетманъ на имя Иванъ Куцковичъ. При немъ было люду козацкого яко 4 тысечи; брали приставство з волости Боркулабовской и Шупенской, то ест грошей копъ 50, жита меръ пятьсотъ, яловицъ полтораста, кабановъ 50, салъ свиныхъ 100, меду пресного пудовъ 60, масла пудовъ десять, (л. 166 об.) куровъ пятьсотъ, сена возъ триста.

Того жъ року 603, в месте Могилеве Иванъ Куцка здалъ з себе гетманство козацкое для того, ижъ у войску великое свововоленство: што хто хочетъ, то броитъ. На тотъ же часъ былъ выеждый от его крол. милости и от пановъ и радъ, напоминалъ, грозилъ козакомъ, ижъ бо они никоторого кгвалту в месте, по селахъ не чинили. Перед того жъ выеждчого от его крол. милости приносилъ одинъ мещанинъ на рукахъ своихъ дѣвчину у шести летехъ змордованую, зкгвалчоную, ледвей живую, чого было горко, плачливе, страшно глядети. На тое вси люди плакали, Богу Сотворителю молилися, абы таковыхъ своевольниковъ вечне выгладити рачилъ.

Потомъ по Иване Куцку былъ гетманомъ Иванъ Косый. Тые козаки брали приставства у Полоцку, у Витебску, на Орши, у Вомстиславлю, у Крычове, у Могилеве, у Головчине, у Чечерску, у Гомли, у Любечу, у Речицы, у Быхове, у Рогачове и по всихъ местахъ. А на Волыню, на Подолю, у Киеве тамъ на тотъ часъ жолнери лежали, которые з Волохъ виехали, яко десять тысящъ; в тыхъ всихъ краехъ приставство брали.

Также у Менску и по всей Литве тамъ жолнери татарове, (л. 167) которые выехали з Швецей, по тыхъ местахъ приставство брали. Якожъ в тыхъ рокахъ 600, 601, 602 великие силные были незрожаи, также голоды, поветрее, хоробы, бо в летехъ тыхъ бывали лѣтомъ великие морозы, силные грады. У Могилеве жита чверть куповали по грошей 40, ячмень грош. 50, пшеницу гр. 50. А около Головчина, Полоцка и Витебска куповали жита чверть по грош. 60, ечменю чверть по грошей 70, пшеница чверть по грошей 70. Такъ же гречихи, конопель знаку не было,—все морозъ побилъ. Тогды всего того насеня в Киеве, на Волыню куповали, и то потросе; ледве можный огородъ засеялъ, а на поли по лядахъ, по нагнояхъ нихот не бывалъ, албо редкий сеялъ, бо насеня ярнаго каждый мало

мелъ. А колы козаки запорозкие назадъ на низъ отсоля выеждчали, тепер же великую сильную шкоду по селахъ по местахъ чинили: жонки, девки и хлопята з собою много брали. Такъ же коней много з собою побрали. Одинъ козакъ будетъ мети коней 8. 10, 12, а хлопятъ трое, четверо, жонки албо девки две албо три.

Того жъ року 603, народъ Божий знизу до домовъ своихъ назадъ пошолъ--великое множество мужей, жонъ, детей, но еще болши тыхъ было, которые на низу померли. Року 603, весна велми была студена, морозлива (л. 167 об.) ажъ до недели Ѳомины; того року былъ святый Юрей во великую суботу. А предсе з ласки Божое на весне у восен жито на поли зелено было, якожъ с тою зеленью и зацвило на 7 недели по святе, а никако жъ пожовкло. Почали ярь сеяти до великодня, а досевали яри на 7 недели; хто сеялъ на третей недели, тые загорели, а хто сеялъ яръ на 7 недели, того яр добра была. Житу добрый урожай былъ и вмолотистый чисто. Жито почали люди голодныя до Ильи, а дожинали въ копу за тыждень по Или. Тотъ рокъ 603 велми былъ сухий, жаркий; якъ былъ дождъ о Дусе Святомъ, потомъ о десятой пятницы, а потомъ на святого Илию. Того року напалъ снегъ месеца ноембра 5 молодика и оттоле стала зима за две недели до запустъ Филиповыхъ. А потомъ морозъ, снегъ, метелица великая была от Юря святого ажъ до Крещения; по Крещению святомъ колко недель великая неуставичность; такъ было: если настанетъ месецъ молодый, то снегъ, дождъ, буря, метелица, морозы, гололедица, ковзота, студень, ижъ трудно было выповедати; потомъ недели третей в постъ великий у вовторокъ в почы былъ дождъ силный, ажъ снегъ согнало и весна стала.

Того жъ року 603, в месте Виленскомъ, в Менску, у Радошковичахъ (л. 168), на Орши, у Шклове и по иншихъ многихъ замкахъ было поветрее великое в постъ Филиповъ; а в которыхъ замкахъ поветрее не было, в тыхъ местахъ по дорогахъ, по улицахъ стражъ великую день и нотъ мевали ажъ до Рожства Христова; а предсе Господь Богъ тыхъ в целости здравыхъ заховалъ. А потомъ з ласки Божое было во всимъ странамъ здорово. Тепер же з ласки Божое урожай на все добрый былъ; жита мера копа гр., ярицы мера копа гр., овса мера грошей 50, гречихи мера грош. 60. А за таковое милосердие и великую его ласку честь и хвалу Господу Богу воздавали, пили и ели. А которые померли, тыхъ успоминали, плакали, жалова-

ли и паметку творили за тыхъ душъ и за грехи ихъ Господа Бога просили, абы Господь Богъ не поменулъ греховъ ихъ.

Теперь же радость великая была, ижъ мужъ жену в далекихъ странахъ знашолъ, отецъ сына, матка дети, дети матку, приятель приятеля, ближний ближнего своего; а где который умеръ, от тыхъ одинъ одному поведалъ, где похованъ.

Року 1604, на Василя святаго, то ест новаго лета была зима велми добра, погодлива до великого посту, а потомъ на пятой недели великого посту снеги, дожды великие были, ажъ Днепръ ростекся (л. 168 об.), а снегъ согнало. Предсе весна непогодная была,—тогды жито у цвету морозъ побилъ; также огурки у цвету морозъ побилъ, якожъ на тотъ часъ у господарстве мало хто бы ся мелъ огурками похвалити, хотя жъ ихъ гораздо и добре кукобили; ягодъ, яблокъ, иныхъ овощовъ мало ся зостало для великихъ дождовъ, морозовъ, градовъ, толко грибовъ—абабковъ в лѣте велми много было зродило, ижъ кождый человекъ по дваkротъ у грибы на день ходилъ. Так же за великими дождами около великихъ рекъ травъ ни троха сена некосили. Вода вешняя стояла по святомъ Петре тыждень; а коли почала вода вешняя спадыват, якобы три дни было. Потомъ болшая вода дождевая пашла; и так поведали, яко бы серед лѣта на Москве снегъ великий и морозъ былъ колко недель на санехъ в лѣте ездили. В насъ на низкихъ мѣстахъ у вогородехъ капусты, цыбули, яри зґола потопило; и стояла вода мал не до Или святаго. Зима была велми суха, людемъ купецкимъ велми шкодила, бо снегъ малъ былъ. Жита, гречихи, пшеницы, овесъ, ечмень, горохъ в той цене былъ, яко в року 603, бо тотъ рокъ вари мало было; толко грибы, ледники, опенки ели, а рыбъ вялыхъ мало было для великихъ поводковъ (л. 169). На люди з ласки Божее было здорово.

Року 1605, весна з ласки Божей была добра, снегъ заразомъ согнало; жито на зиму сеяное, як было зелено у восень, также было зелено и на веснѣ, с тою зеленостю и зацвило. Предсе житу сухость была велми зашкодила, дожду мало бывало; у цвету яко у жите такъ и яръ морозъ, сухость зашкодила. Двои были усходы. Гречихи добрий урожай былъ и пленна была. Того року укуповали жита чверть 8 грош., овса чверть грошей 4, пшеницы чверть гр. 16, конопель чверт гр. 6, маку небыло ни троха, ни цыбули, чоснику; и того было велми малый урожай.

Того жъ року 605, у Баркулабове за Лахвою у волоки порезано черезъ урядника пана Федора Плетинского.

езуита в соборной церкви служилъ имшу, а Скгарга казане поведалъ, а Потей службу служилъ у костеле (л. 151 об.) въ Рожейского олтара. Тамъ же у олтара руского, где служилъ римлянинъ, в келиху вино у кровъ барзо шпетную смродливую обернулася, же отъ езуита непоживалъ, а у олтаря римского у Потея вино обернулося у простую горкую воду. Тамъ же у Берестъю нашолъся былъ человекъ якийсь простый, который великие речы мовилъ, же страхъ словъ его людей преникалъ, бо Писмо все на наметь знаетъ; штось дивного, певне не тотъ, што мелъ у голову заходити, и напоминалъ, абы люде своей веры моцность держали. Тыхъ лотровъ, митрополита, ихъ владыкъ невидали, бо ихъ не пустили римляне. Того жъ дня въ суботу заразъ с костела панъ воевода троцкий приехалъ до княжати, пожекгналъ, жалуючи незгоды и ехалъ до Чернавчичъ. А мы в неделю вси разьехалися, заварши то и запечатовавшы и подписавшисе до того писмомъ, албо универсалу его кр. мл. послалисмы; ужили пана Тулевича (Гулевича), маршалка, а пана Еламолинского и пана Броневского, людей годных: праве два евангелицы, а третый новокрещенцовъ.

(Л. 152) Року 1592, июня по старому 11 дня въ неделю. Была брань великая, велми страшная: почавшы от западнихъ краевъ замковъ украинныхъ Черниговъ, Гомель, Любечъ, Белая Церковъ, Переяславль, Стрешинъ, Речица, Рогачевъ, Крычевъ и иныхъ многихъ местъ и замковъ в тыхъ всихъ по селахъ и местахъ и местечкахъ немало збожя попсовала градъ и буря великая, а на бору на лесе и по лугомъ со пчолами дерева бортное на воде угляды (?) згола, штось троха зостала, буря великая поламала; якожъ на тотъ часъ давали справу и жалосно поведали, ижъ дей у водного мужа северского бортного дерева сто поломило, у другого двесте, у третего триста, ижъ страшно и томъ слышати было; дороги каждый от села до села волостью прочищали, паветъ и теперъ на лесехъ на бору и по болотахъ поломатые видети много.

Якожъ тотъ рокъ 92 былъ урожайный: жита, овса, гречихи, хотя жъ неросла, але добра. пшеницу иржа побила. Цена житу была танеи: чверт по грошей пяти (л. 152 об.), мера жита по грошей двадцати.

Того жъ року по Өеофане владыце совершено на владычество Полоцкое Нафанаила Терлецкаго, начальника новому календару беззаконому его даному и безыменному как того зовутъ? хто то подалъ?

Ни Моисей, ни Христосъ! И то было велми скрыто, потайнѣ межи собою ховано, ажъ до року 96. Того жъ року 92 далъ Господь Богъ видымый знакъ, ижъ у восень о Покрове на дереве листъ не опалъ, и былъ зеленъ у восень такъ, якъ па весне; а на другихъ деревехъ такъ и зымовалъ.

Року 1594, на весне, заложена церковъ у Могилеве святого Спаса, у манастыри, была велми иконами украшена. Потомъ настало якоесь братство отъ святого Спаса: по месту ходили, новые церемоние чинили не ведлугъ уставу святыхъ отецъ, на осляти по колку рокъ ездили; згорела церковъ святого Спаса; жеребя волкъ заевъ; дитя, которое седело вместо Христа, то ослепло. Того жъ року, весне, у Могилеве заложенъ костелъ святого (проп.) на селищу Овтушка небожчика Богатого, бо пред тымъ у Могилеве полскихъ костеловъ не бывало. Року 1594, за кроля Жикгимонта Третего, за митрополита (проп.), за владыку полоцкого Афанасия Терлецкого, за стараньемъ и великою пильностью его мл. пана (л. 153) хрестиянского его милости князя Богдана Соломерецкого, старости крычевского и олучицкого, и за христолюбивою женою его мл. княгинею Евдокиею Баркулабовною Корсаковною, а за урядниками ихъ милости паномъ Федоромъ Глетивскимъ сооруженъ и посвященъ быстъ храмъ святого великомученика Георгия черезъ священника боркулабовского Ѳедора Филиповича и быстъ поручена или подана во служеніе действования службы божественныя везати и решити детей духовныхъ отцу Тимофею Алексѣевичу.

Заметъ заметано около церкви, и келия постановлена, и монастыръ заложенъ чернцы; отца Афанасия его милость князь Богданъ благоверный упросилъ, абы братия при немъ была.

Былъ у Берестю соборъ року 1594.

Того жъ року панъ Островинский умеръ. Тотъ рокъ велми былъ мочливъ, бурливъ, студенъ; на збожье мерный былъ урожай.

Того жъ року 94 месеца декабря 17 дня, во второкъ по ранной службе, у Буйничахъ принявши тѣло Христово отъ рукъ своего духовника у светлицы Буйницкой, ее милость пани Боркулабовая Поланея Крошинская того жъ часу по приятию Святыхъ Христовыхъ Таинъ побожне (л. 153 об.), богобойне, з великимъ набоженствомъ, принявши Святыя Тайны, душу свою Господу Богу предала; яко бы полгодины на рукахъ духовника своего была и преставися. И по-

Того жъ року 605 якийся знашолъ у краю Низовомъ, а звлаща у дворе князей Вышневецкихъ якийсь Дмитръ Ивановичъ Царевичъ; якожъ бывши при дворе ихъ милости пановъ радныхъ и собравши войско немалое люду низовского и козаковъ запорозкихъ, такъ же люду руского множество, с тымъ людомъ поехавши, Стародубъ, городъ Московский, узялъ, лысты по всей Москве разослалъ, поведаючи себе быти (д. 169 об.) царя Дмитра Ивановича Московского, которого еще малого яко бы мелъ Годунъ стратити, нижли страшно и до царя Годуно принесено, але не оного Дмитра Ивановича, в него место малое дитятко, а его дивне было схвовано и на Украину Низовскую было вывезено. Якожъ о того Дмитра Ивановича животе и мешканю, о бытности его, обычаехъ и поступкахъ и мешканю его дивне и плачливе и трудно было выписати, якожъ история о немъ естъ написана по достатку у другихъ летописцахъ. Якожъ не по маломъ часе оный Дмитръ Ивановичъ з людомъ взявши градъ Стародубъ и Москву оселъ, а Годуна с царства своего Московского согналъ, и не ведати где ся Годунъ поделъ. Якожъ Дмитра Ивановича познавши его Москва по давныхъ знакахъ царскихъ, былъ корунованъ царемъ вместо отца своего Ивана, царя Московскаго на Москве. А хотяжъ и коронували его, предсе не мели со собою доброе и зуполное згоды; одна Москва приймовала его за царя, а другая не приймовала; тутъ же промежи ними была силная и великая незгода и посварокъ и велми о немъ штось дивне радили, хитре, мудре, скрыте, молчкомъ радили, о чомъ напередъ услышыте.

Року Божого нарож. 1606. Тотъ рокъ з ласки Божей былъ здоровъ, на всемъ добрый, нижли рокъ мокрый; жито, яри плохи были, а предсе цена была яко въ року 1605 описано; предные поводки были частые; сеновъ мало было статку. З ласки Божей было здорово, также на люди.

Того жъ року 1606 Дмитръ Ивановичъ, будучи ему коронованому царемъ на Москве, не порадившися, ани пытавшися сыновъ боярскихъ, по своей ему воли, по своей мысли, пославъ и змовивши панну зацную за себе у пана (проп.) воеводы сондомирского в Полщи; якожъ оные послы, змовившы панну, привезли на Москву и самого пана сондомирского воеводу, такъже з намъ много множество добрыхъ, зацныхъ пановъ и паней и панянокъ зацныхъ шляхетныхъ. Якожъ того жъ року 606 (6), было веселье на Москве и было при томъ веселю Литвы, Руси и поляковъ, волынцовъ, поведали

яко семъ тысящей выбранцовъ, коштомъ великимъ выбраныхъ, в злате и сребре, в жемчугу, у каменью дорогомъ, ижъ того умъ человеческий сказати не возможетъ. Якожъ потомъ веселю за колко дней, албо недель Москва вся, забравшисе и змовившися межи собою, в почи безъ вѣсти безпечне, грозно вдарили на палацъ самого царя (л. 170 об.) Дмитра Ивановича и на вес почетъ его, такъ Литву, Русь и поляки и на пана Сондомирского. В тотъ часъ побито отъ Москвы много множество почту царя Дмитра Ивановича, люду зацного, люду служалого рыцерскаго, пановъ зацныхъ шляхетныхъ, также зацныхъ паней, панянокъ; тымъ всимъ великое насильство, посмеване, што ихъ злый умыселъ мыслилъ, то чинили; плачливе и страшно было слышати о таковой злой пригоде тыхъ людей учтивыхъ, а самого царя Дмитра не ведати где ся онъ поделъ. Одны поведали,—убитъ, а другие поведали,—живъ утекъ, о томъ нихто на тотъ часъ певное ведомости не мелъ, а самого пана Сондомирского не згубили и з дочкою его до вязеня посадили. А которыхъ на тотъ часъ пановъ не побили, тыхъ множество люду служалого, яко убогихъ, такъ и богатыхъ полупивши, шаты добрые з нихъ собравши, брони поотнимавши, нагихъ, босыхъ за границу выгнавши, попускали. А то за великие прикрости литовские и насмеванье полское сталося имъ, ижъ былъ збудовалъ царь Дмитръ ку воли жоне своей на Москве костелъ полский и мниши служили службу Божую, а з рускихъ церквей великое насмеванье чинили, (л. 171) поповъ московскихъ уруговали, з нихъ ся насмевали,—мели то собе за великую кривду и великое зелживости своей, не хотячи у царстве своемъ, абы была вера ляховитинская; бо в нихъ того от вековъ не бывало, ани хотели того во царстве своемъ мети. Прето ихъ побили, помордовали и с царства своего Московского прочъ выгнали, а себе на царство царемъ помазали Шуйского. Потомъ того жъ року 605 (6), господарь король полский Жикгимонтъ Третий послал гонца своего о томъ до Москвы пана Яна Кгенсевского; и того тамже на Москве посадили, и седелъ тотъ гонецъ много.

Того жъ року 606, месеца іюня 5. Почался починати якийсь рокошъ. Тамъ же на тотъ рокошъ зъеждчалися панове руские, пруские, жомоитские, мазовецкие, подляские, волынцы, литва, поляки, згола от всихъ земелей и поветовъ панове велможные, панове зацные, всякихъ веръ, всякихъ языковъ. И стоялъ тотъ рокошъ у Сондомиру месяцей шесть. Яко жъ тамъ тотъ край выгубивши, выпаливши,

опустошивши от Покрывницы две миле, и не учинивши и не постановивши ничого доброго у восень о святой Покрове розехалисе проч. Тотъ рокъ 606 з ласки Божей добрый былъ, толко на фребру много было хворыхъ, а збожю была цена (л. 171 об.): жита мера по гр. 24, овса мера гр. 14, гречихи мера гр. 20, ечменю мера гр. 20. Той же рокъ 605 (6) велми дивный былъ, а то в томъ, ижъ вода все лета такъ была велика, яко праве весне, не толко летомъ, но и о запустехъ Филиповыхъ: разъ упадетъ, потомъ прибудетъ, из береговъ выливалося; прето сена велми мало косили.

Року 1607. Тотъ рокъ з ласки Божей былъ здоровъ на люди, также и врожай збожу середний былъ, также и цена збожу была: жита чверть гр. 8, пшеница чверть грошей 6, ечмень гр. 6, овса чверть грош. 5, гречихи чверть гр. 4. Нижли того року 607 великая была незгода и замешане кролю с панами, паномъ с кролемъ, з рокошанами, великий бунтъ, забите, кровопролите; отъ господаря кроля на домы насылане; шляхте шкоду великую починене. Велми страшно было слышати, албо тымъ, где се то деяло, видети. Якожъ и конституция были выдали релии греческой; а потомъ за великою (незгодою) и дивными справами разорвалося. На томъ такъ не постановилося, толко великое забийство, мордерство, кровопролитство поделали рокошаномъ; якожъ о таковомъ постановеню рокошанскомъ тутъ же в томъ року 606 естъ вышей описанъ.

В томъ же року 607 было великое на християне (л. 172) и немилостивое жолнерство, лупежство; по местахъ, по селахъ жолнери берестейские, жолнере кгроденские тые по волости кролевской капщизну брали, а на папскихъ и княжеских приставство на подданыхъ вытегали. К тому засъ особливе жолнеры Лисовского, жолнеры Кгроденского тые по подданыхъ кролевскихъ и князскихъ, панскихъ, шляхецкихъ великое и немилостивое приставство, албо стацию по волостяхъ брали, яко збожемъ, также и пенезьми.

Того жъ року 607, месеца мая после семое суботы, ишолъ со Шклова и з Могилева на Попову гору якийсь Дмитръ Ивановичъ; менилъ себе быти онымъ царемъ московскимъ, который первей того Москву взялъ, и тамъ же оженився. Бо тотъ Дмитръ Нагий былъ напервей у попа шкловского именемъ (*проп.*), дети грамоте училъ, школу держалъ; а потомъ до Могилева пришолъ, также у священника Өедора Сосиновича Николского у селе дети училъ. А самъ оный Дмитръ Нагий мел господу у Могилеве у Терешка, который проску-

ры заведалъ при церкви святого Николы. И прихожувалъ до того Терешка часъ не малый, каждому забегаючи, послугуючи; а мелъ на собе оденье плохое, кожухъ плохий, шлыкъ баряный, в лете в томъ ходилъ. А коли были почали познавати онаго (л. 172 об.) Дмитра Нагого, в тотъ часъ з Могилева на село Онисковича Сидоровича ажъ до Пропойска увышолъ. Тамъ же у Пропойску были его поймали, во везенью седелъ. А потомъ панъ Рагоза, врядникъ чечерский, за ведомостю пана своего его милости Зеновича, старосту чечерскаго, оного Дмитра Нагого на Попову Гору, то ест за границу Московскую пустилъ, со слугами своими его пропровадилъ. А коли приехалъ до Москвы, то ест Поповы Горы, тамъ же его Москва по знакахъ царскихъ и по писаныхъ листахъ, которые онъ, утекаючи з Москвы по замкахъ написавши, давалъ,—черезъ тые уси знаки его познали, ижъ онъ естъ правдовый певный царь восточный Дмитръ Ивановичъ, праведное солнце. Тутъ же почали радоватися, в шаты, убіоры коштовные одѣли; потомъ конного люду семъсотъ до него прибегло. Тутъ же почалъ лысты писати до Могилева, до Орши, до Мстиславля, Крычева, до Менска и до всихъ украинныхъ замковъ, абы люде рыцерские, люде охотные до онаго Дмитра Нагого прибывали, гроши брали его. И заразомъ с Поповы Горы оный Дмитръ Нагий, сей мнимый царь московский, оселъ замокъ московский Стародубъ. Тепер же почался людъ гулящий, людъ своволный—скоро Дмитро, то и молодцы. Якийсь наймитъ з Мстиславля до него пришолъ. На тотъ часъ (л. 173) на Москве царемъ князь Андрей Шуйский. Тогды собравшы войско Дмитрашъ, и почалъ войну творити з Москвою и с княземъ Шуйскимъ, нижли одны Москвичи признавали его царемъ быти и самая Москва и вси болшие бояре московские,—и иныя многая Москва, которая первей его добре знала быти царемъ московскимъ: ино цей якийсь воръ московский, а другие поведили быти и называли его такъ—плутъ. И такъ до оного Дмитра Нагого Москва писала быти его такимъ—царь воръ, Гриша Отрепичъ, ростryга. Потомъ зас явился другий царь на Москве именемъ Недведокъ. Тотъ Недведокъ зъ людомъ немалымъ самъ передался на Москву царю Андрею Шуйскому. Тепер же почали войска до царя Дмитрия прибывати, войска великие, войска силные. Отселя з Литвы, Руцкий з ротою, Лисовский, Велемовский, Сапега и иныхъ много, а знизу роты великие: князь Вышневецкий з ротою, князь Ружинский з ротою; тамъ же волынскихъ, подолскихъ зацныхъ пановъ з рота-

мы, а с Полщи панъ Стадницкий з ротами великими. Тамъ же на Москве в тотъ часъ Богъ ведаетъ, што ся тамъ деяло: места, замки малые выплендровали, але под столицею все лето стояли, много штурмовъ утратили,—недостали. Тамъ же купцы шли многие з горелками, и тые великую шкоду Москве делали,—хотя купцы, и тые жолнерами (л. 173 об.) себе поведали быти; якожъ оные жолнере и вси купцы, которые тамъ на Москве были, чудно и велми дивно о цари Дмитре поведаютъ: якось дивне у войску справует, ижъ дей у почи не спитъ, толко убравъшися во платье леда каковое то *(пропускъ нѣсколькихъ строкъ)*.

Року 1608. Летомъ великие и сильные войска ишли на Москву до царя Дмитра, а намъ в томъ краю сильную великую шкоду починили у статку, а наболшей у коняхъ. Тые то ишли жолнери имена ихъ описано в року 607.

Того жъ року 608 разгневане Божее было, много псовъ устеклыхъ попсовалося, коней, людей много покусали и померли. Того жъ року 608 патриарха вселенский Киръ Рафаилъ переставился. Того жъ року на местце его былъ посвященъ вселенскимъ патриархомъ именемъ Киръ Неоѳата.

Того жъ року 608 лето было мокрое, поводки были частые (л. 174), мало хто при рекахъ великихъ сена косилъ, бо и до восени поводки великие были. Того жъ року 608 много детокъ малыхъ з воспы померло [1]).

Король Владиславъ ишолъ подъ Смоленскъ въ року 1633. Шеинъ на тотъ часъ з войскомъ великимъ под Смоленскомъ былъ и кролю Владиславу поклонился и делы его, што Смоленскъ добывалъ, королю Владиславу досталися меновите, наперве: Однорожецъ сожний три и болей—1, Кгранатъ сажний чтыри—2, Гладки сажней три—3, Кречетъ сажний три—4, Волкъ сажний три—5, Царь-пушка сажний три и болей—6, Коваль сажни три—7, Юрей сажни три—8, Пасынокъ сажни два и болей—9.

При тыхъ и иншыхъ делъ малыхъ припроважено з Смоленска, числомъ всихъ *(пропущено)*.

---

[1]) Здѣсь заканчивается Баркулабовская хроника; далѣе слѣдуетъ позднѣйшая приписка, тоже не оконченная.

Дополнение.

На лл. 14 об.—16 об. рукописи находится описаніе собора въ Берестьи, который, очевидно, относится къ 1590 г. и составляетъ часть лѣтописи. Помѣщаемъ здѣсь эту вставку.

На день святого Іоанна рожства, в понеделок. Вбежалъ отецъ митрополитъ в место Берестко. Службы тогды при немъ было архимандритовъ, то ест именемъ з намостыра Супресля, на имя отецъ Исаия Великая Борода, з Бытенино монастыря пана Тризны игуменъ Пайсей, дияконъ Игнатей, а архидияконъ Калистъ, архимандритъ лавреповский Гедионъ Бролиницкий, архимандритъ городенский, архидияконъ Осафъ, господина митрополита дворный Григорей Иванович. протопопа Нестеръ з Городна, иныхъ много множство—архимандритовъ, игуменовъ, протопопъ, поповъ. Того же дня было читано козане от владыки володимерского Патея о ржествѣ Иоанове душеполезно. По казаню зошлися. Того дня митрополитъ былъ на обеде во отца Патея. Во второкъ службы божии не было, толко поведалъ казане тоеж владыко володимерский Патей о пастырехъ: аз есмъ пастыр добрый, душу свою полагая за овца, — видит волка градуще и прочие. Тогож дня владыко луцкий приехалъ со братие своею.

Тогож дня на томъ же козаню, коли пыталъ владыка володимерский тужъ всехъ стоящихъ во церкви, мовячи: ели добре ест читано, албо зле? Весь собор рекъ: добре. Тутже стоячи поджъ (sic—тое?) слово рекъ владыце володимерскому на оча некто Валериянъ Палисветъ, иж дей, отче владыко, ты читаеш зле, то ест противу себе читаешъ. В тотъ часъ и тогож дня было во церкви вели-

кое забурене и замешане, аж Полисве(та) тако вонъ с церкви вивести. Того же дня по обеде козали Велирияна поставити средъ номостыра пред собою вес себоръ и пытали его тыми словы: Што ты за потребу мелъ мовити до мене во церкви? Мов ты со мною тепер очивисто пред всеми. Тогды Валериян, принявши благословенство от всего збору, рекъ: Ото чесный светый архиепископе и твоя светыне, насъ добре учишъ, а самъ зле чинишъ, малыхъ робятъ неразумныхъ у попы ставиш, а от нихъ по осми копъ береш. В тотъ час былъ посредъ монастыря великое замешане и посваракъ, аж Валерияна, бивши и мардовавши, во багаделню в ланцугъ казали посадити.

Во среду скоро по взатрени козали звонити на зборъ. Собравшимся светымъ отцемъ во церковъ, напервей отчинили царские врата, запалили свечи, поставили палой на онбоне, положили евангелие разгорненое. Митрополитъ селъ на особливомъ месте, владыки на особно, архимандрити на особливомъ месте, также архидияконы, протопопы, игумены, свещенницы, братства на особливомъ месте, также панове, бо ихъ мало было. Слышали, иж римяне будут. Напервей рекли: Амин! Потомъ рекъ архидияконъ велегласно: Встанте, встанте, встанте! падши ницъ, молитву, молитву мовити о пришествию Святого Духа на соборъ сей и на люди сия! По сем пытали владыки всехъ, мовячи, на штося тутъ собрали, албо зъехалися. Тутъ еслибы были иноверцы, тутъ же бы почали о вере гадатися. По опытеонемъ, иж се не было с кимъ годатися, туж показывали кривды свои, кому от кого деетъ се. Потомъ подавали листы и жалобы братства на владыку лвовского Болобана. Потомъ, тутже во церкви стоячи, далъ жалобу отецъ владыка володимерский Ипатей на владыку лвовского Болобана, иж дей позвовъ от нитрополита посланыхъ не принялъ и попа посланнаго до него казалъ збивши втопити. По семъ Лъвовяне и Виленско братство право свое братское туж покладали, яко они братство моцне мают и где школы братские мают мети. Потомъ листы от многихъ пановъ до нитрополита и до всехъ владыкъ' писаныхъ подавали, так жалобныхъ. Потомъ былъ вечеръ, хлеба ести разошлися.

Во четвертокъ тую справу справовали: которые листы на кого показывали, на которой бы мели вырокъ отдати и ихъ проклятию поручити.

В пятокъ вырокъ выдал(и), иж маем в недѣлю прокляти владыку лвовского, также апхимандрита и поповъ его. Того ж дня поданъ былъ листъ от арцыбискупа Станислава з Незна, абы мы сами

також и вы соборовъ жадныхъ не чинили без битности его корол. милости. В тотъ часъ было забуреня и плачъ всемъ великий

В суботу постановлене творили -- церковное правило, яко се мают справовати во церквахъ, и со крестами за Муховецъ реку до монастыря вси отцы ходили, тамже было дивно зрети.

В недѣлю по службе Божей было выволане и проклинане владыки илвовского, также и архимандрита его, што страшно слышати и жалосно велми то поведати, яко се тамъ деяло. Тут же седячи отецъ Михайла митрополит показовал лист писаный от велможнаго княжати Соломерецкого через посланца его.

В понеделокъ духовное право было з великимъ жалем, иж маят ехати вес собор до его королевской милости о всехъ справахъ.

Второкъ [рокъ] розехалися з Берестя: митрополитъ ехалъ до монастыра Супресля.

Баркулабовская лѣтопись.

Баркулабовская лѣтопись находится въ сборникѣ Синодальной Библіотекѣ подъ № 790. Форматъ его—небольшая четверка, всѣхъ листовъ 174. Почерка два: до 70-хъ листовъ довольно тщательный западно-русскій почеркъ половины или даже конца XVI в. Почеркъ остальной рукописи тоже западно-русскій, производитъ впечатлѣніе болѣе поздняго—до половины XVII в. Нумерація новѣйшая. Содержаніе сборника разнообразно: на ряду съ замѣтками лѣтописнаго характера въ ней находится много вставочныхъ статей различнаго содержанія: описаніе Турецкой имперіи, коротенькая хроника о князьяхъ русскихъ, кончающаяся повѣстью рязанца Софронія, два извода Литовской лѣтописи и мн. др. статей.

Въ этомъ сборникѣ и находится т. н. Баркулабовская лѣтопись [1]). Она начинается на 136 листѣ и продолжается до конца сборника. Къ ней мы прежде всего и обратимся. Лѣтописью немало пользовались историки, но характеръ ея и ея авторъ до сихъ поръ невыяснены. Она начинается весьма любопытнымъ описаніемъ Берестейскаго сейма 1544 г. (въ лѣтописи помѣченъ 1545 г.). Это описаніе сейма—наиболѣе подробное извѣстіе о той обстановкѣ, при которой собирались литовскіе сеймы.

[1]) Впервые лѣтопись напечатана Кулишемъ въ его „Матеріалахъ по исторіи Западной Руси“, затѣмъ напечатана болѣе исправно мною въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, а съ моего изданія перепечатана г. Романовымъ въ его сборникѣ матеріаловъ, вышедшемъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ.

Оказывается, что на западно-русскіе сеймы съѣзжались не только высшіе вряды и посольства отъ шляхты, но и много посторонних лицъ — „вся шляхта“ и иностранныя посольства. Эта обстановка сейма соотвѣтствуетъ тому, что мы знаемъ о польскихъ сеймахъ того времени, по дневникамъ которыхъ видно, что даже въ избѣ присутствовало много посторонней публики.

Съ разсказа о сеймѣ 1544 г. разсматриваемая лѣтопись все болѣе и болѣе съуживаетъ районъ своихъ наблюденій, но за то извѣстія становятся подробнѣе. Такъ какъ лѣтопись написана въ мѣстности близъ Орши, то дальнѣйшій разсказъ ея главнымъ образомъ и касается Могилева, Орши и сосѣднихъ волостей. На л. 137 об. встрѣчаемъ запись народнаго преданія о происхожденіи города Могилева: мѣсто Могилевъ засѣли прихожіе люди изъ Вохчича, Сухочъ, Княжичъ, Головщины и др. селъ и изъ Смоленска; Могилевъ „зароблен“ на горѣ Могилѣ.

Отмѣчая это преданіе, нельзя не указать его живучесть въ народной средѣ: разные варьянты его можно и теперь услышать въ народѣ [1]). Далѣе слѣдуютъ замѣтки объ основаніи Баркулабова, разсказъ о нападеніи Москвы на Могилевъ въ 1580 г. и пораженіе ея Чарторыйскимъ, о приступѣ войска пана Гудовскаго подъ Смоленскъ въ 1579 г. и нѣк. др. (л. 138—140).

Изъ извѣстій болѣе или менѣе общаго характера слѣдуетъ отмѣтить весьма интересное описаніе Берестейскаго синода 1596 г. Оно ведется отъ перваго лица (л. 146 об.—151 об.). На листѣ 153 об. разсказывается о нападеніи Наливайки на Могилевъ: онъ выжегъ здѣсь 560 домовъ и 400 лавокъ; битва Наливайки съ Литвою на Буйницкомъ полѣ описана весьма подробно. О казакахъ есть и еще кое-какія извѣстія: на л. 161 об. подъ 1600 г. разсказывается о дѣйствіяхъ казаковъ въ Швеціи, тоже на л. 163 об., л. 166, на л. 167, о гетманѣ Иванѣ Кунцовичѣ. На л. 158—161 об. приведено любопытное письмо какого-то неизвѣстнаго о Сендомирскомъ рокошѣ 1607 г. съ приведеніемъ универсаловъ. На л. 143 любопытное извѣстіе о Варшавскомъ сеймѣ 1587 г.: на немъ было убито во время ссоры 700 человѣкъ. Любопытными подробностями о появленіи второго самозванца оканчивается лѣтопись.

---

[1]) Безъ—Корниловичъ, Историч. свѣдѣнія о примѣчат. мѣстахъ въ Бѣлоруссіи. 1855, p. 152. Ср. Записки игумена Ореста, Археогр. Сборн., Вил., т. II.

Я отмѣтилъ выше тѣ извѣстія лѣтописи, которыя имѣютъ болѣе или менѣе общій интересъ. Но самая важная особенность памятника—мелкія мѣстныя замѣтки. Это лѣтопись будничной сельской жизни тѣхъ мѣстностей, которыя окружали Баркулабово и Оршу. Если я не ошибаюсь, до сихъ поръ мы не знаемъ такого памятника, который-бы такъ подробно, съ такой любовью къ окружающему и съ такимъ литературнымъ талантомъ описывалъ на протяженіи полустолѣтія радость и горе обыкновенной сѣренькой жизни села, не говоря уже о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ XVI в. Таково, напримѣръ, описаніе голодовокъ 1601—1603 годовъ. „Великие болести, хоробы, также войны великие, голодъ, неврожай силный, было поветрее, албо моръ на людей перехожихъ, множество на низъ идучихъ, —около тысяцъ 4 з голоду мужей и жонъ, детей пошло так, иж страшно было видети, иж на улицах, по дорогахъ, по гумнахъ, у ровехъ псы мертвыхъ многихъ тела ели. Рокъ 1601. Тотъ былъ неуставичный, то ест почали жито на хлебъ жати голодные люди пред Усѣкновениемъ главы светого Іоанна Предтечи, а в копы почали жито жати на светого Симеона Столпника —и то были зерня велми мелко. А дожали жито перед Покровомъ за 2 недели, бо дождъ уставичне шелъ недель 12; яр почала высыпатися о светом Петре а по светыи Покрове за две недели почали яръ жати и то было зелено“.

Особенно замѣчательно по бытовому колориту описаніе холодной осени 1601 года, когда во время полевыхъ работъ выпалъ снѣгъ и сталъ Днѣпръ. „Страшно и жалосно было гледѣти, разсказываетъ авторъ: три—два человека на денъ ледво сноповъ 40 нажнут овса, або ярицы, бо велми къ земли припали; люди убогіе яръ на весне жали,—горевали, але вже толко для статку, а того много статками на весне сами господари свое сбоже травили: маки, горохи, бобы, проса, репа,—то все згола погинуло. А которые молотили ярь,—зерна толко знакъ; а коли змесит, спечет, то у печи испечется, а з лопаты у печ незложити, с печи аж ополоникомъ выберетъ. Также и жито было вельми не умолотно. А коли муку житную у хлеба спекут, то тесто печеное солодко, а за скоринку хотя ложки клади, а в печи непечется“.

Въ результатѣ начался голодъ и масса населенія двинулась въ южное Поднѣпровье. Отъ скопленія голодныхъ людей, переходившихъ въ 1602 г. на низъ, получилась картина ужасная. Пере-

хожіе люди голодали, просили хлѣба: „А коли тот народъ у ворот,-албо в дому у кого стоячи хлеба просили, отець з сыномъ, сынъ с отцемъ, матки з дочкою, дочки з маткою, брат з братомъ, сестра с сестрою, муж з женою,—тыми словы мовили, силне слезне, горко мовили так: „Матулько, зезюлько, утухно, панюшко, сподариня, слонце, месяць, звездухно, дай крошку хлеба. Тут же поле ворот будет стояти зраня до обѣда и до полудня, такто просячи, тамже другій под плотом и умрет“... „А коли варива просили, тые словы мовили: „Сподариня, перепелочко, зорухно, зернетко, солнушко! дай ложку дитятку варивця сырого“.

Указанное мѣсто настолько опредѣленно характеризуетъ отношеніе лѣтописца къ окружающей народной средѣ, что намъ незачѣмъ на немъ подробно останавливаться. Можно лишь подчеркнуть, что лѣтопись написана человѣкомъ, не только знающимъ народную среду, но и любящимъ народъ. Въ литературномъ отношеніи какъ это мѣсто, такъ и многія другія любопытны въ томъ отношеніи, что авторъ, не стѣсняясь формами и лексикономъ тогдашняго книжнаго языка, весьма удачно и смѣло обращается къ языку народному. Вслѣдствіе этого описанія его отличаются живостью, картинностью. И въ предложенномъ отрывкѣ можно найти массу отдѣльныхъ реченій и стилистическихъ оборотовъ, свойственныхъ живому бѣлорусскому нарѣчію.

Этотъ разсказъ очевидца имѣетъ еще и другой интересъ. Разсказъ наглядно рисуетъ намъ тѣ условія, при которыхъ заселялась южно-русская украина. Достаточно было какого-нибудь народнаго несчастія, въ особенности голода, чтобы населеніе отдаленныхъ областей цѣлыми массами двинулось на югъ искать счастья. Но не всѣ тамъ осаживались: надежда на лучшія времена влекла часть выходцевъ на давно насиженныя мѣста. Съ другой стороны, если цѣлыя тысячи крестьянъ могли свободно оставлять свои деревни и уходить на югъ, то очевидно, еще на переломѣ XVI и XVII в. было немало перехожаго крестьянства. Этотъ разсказъ свидѣтельствуетъ, наконецъ, о сравнительной подвижности западно-русскаго крестьянства.

Можно извлечь изъ разбираемаго памятника еще одинъ рядъ извѣстій, которыхъ тщетно было-бы искать въ другихъ источникахъ. Авторъ сообщаетъ цѣлый рядъ извѣстій о цѣнахъ на хлѣбъ за 20 лѣтъ подрядъ съ отмѣтками объ урожаѣ. Для исторіи хлѣб-

ной торговли, для исторіи цѣнъ—это единственный по своей компактности матеріалъ. Я не опредѣлилъ еще могилевской мѣры, цѣны которой передаетъ лѣтопись, но само по себѣ колебаніе цѣнъ въ одной мѣстности уже представляетъ интересъ.

Ниже я привожу въ одной общей таблицѣ извлеченныя мною изъ лѣтописи данныя о хлѣбныхъ цѣнахъ съ отмѣтками объ урожаѣ (табл. на слѣд. стр.).

Независимо отъ относительной цѣнности хлѣбныхъ продуктовъ, выше приведенная табличка наглядно показываетъ, какимъ случайностямъ было подвержено сельское хозяйство, а вмѣстѣ съ нимъ и земледѣльческій классъ населенія. Въ теченіи какихъ-нибудь 20 лѣтъ цѣна на рожь, напр., подымается отъ $3^1/_2$ гр. за четверть до 60 гр., т. е. въ $17^1/_2$ разъ, цѣны на ячмень и пшеницу колеблются между 6 гр. и 70 гр. за ту же четверть и т. д.

Охарактеризовавъ лѣтопись, перейдемъ къ вопросу о ея авторѣ. Вопросъ рѣшается довольно удовлетворительно. Среди лѣтописныхъ извѣстій обращаютъ на себя вниманіе тѣ, которые говорятъ о священникѣ Федорѣ Филипповичѣ. Онъ получилъ приходъ въ селѣ Вендорожѣ въ 1586 году какъ только здѣсь была сооружена церковь княземъ Богданомъ Соломерецкимъ. Федоръ Филипповичъ названъ при этомъ „могилевцемъ“, а отецъ его Алексѣй Гавриловичъ „мстиславцемъ“ (л. 138 об.): послѣднее, указываетъ на происхожденіе Филипповичей, а первое—на пребываніе Федора Филипповича въ Могилевѣ, можетъ быть уже въ санѣ священника, потому что новая церковь отдана „попу“ Федору. Повидимому, упоминаемый позже священникъ Георгіевской церкви Тимофей Алексѣевичъ (л. 153) можетъ быть братомъ Федора. Впослѣдствіе Федоръ вездѣ называется Баркулабовскимъ священникомъ; слѣдовательно изъ села Вендорожа онъ перешелъ въ Баркулабово, гдѣ былъ замокъ князей Соломерецкихъ.

Священникъ Федоръ Филипповичъ пользовался почетомъ: онъ, съ благословенія владыки, посвящаетъ церкви въ имѣніяхъ Соломерецкихъ (л. 153, 143 об.); князь Богданъ Соломерецкій въ 1592 году посылалъ его на церковный соборъ въ Берестье (л. 143). Этотъ Баркулабовскій священникъ былъ духовникомъ князей Соломерецкихъ (л. 156).

Есть рядъ указаній, позволяющихъ видѣть въ священникѣ Федорѣ и автора лѣтописи. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ лѣтописи находился

Годъ.	Жито.		Овесъ.		Ярица.		Пшеница.		Ячмень.		Гречиха.		Конопля, чверть.	Горохъ, чверть.	Ведро капусты.	Характеристика урожая въ лѣтописи.
	Мѣра.	Чверть.	Мѣра.	Чверть.	Мѣра.	Чверть.	Мѣра.	Чверть.	Мѣра.	Чверть.	Мѣра.	Чверть.				
1584	14 гр.	3½ гр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Хорошій урожай.
1592	20 гр.	5 гр.	—	—	—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	Цѣны „таней“ обыкновеннаго годъ урожайный.
1595	—	12 гр.	—	5 гр	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Не особенно хорошій годъ: воды много, умолотъ средній
1599	108 гр.	1 талеръ.	16 гр.	4 гр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Голодный
1600 [1]	40 гр.	15 гр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„На всемъ добрый“, ур. очень хорошій.
1601	—	35 гр.	—	40 гр.	—	40 гр.	—	40 гр.	—	—	—	—	20 гр.	20 гр.	—	Страшн. голодъ, цѣны лѣтнія.
1602	—	40 гр.	—	38 гр.	—	—	—	50 гр.	—	70 гр.	—	40 гр.	50 гр.	40 гр.	3 гр.	Тоже.
	—	60 гр.	—	—	—	—	—	70 гр.	—	70 гр.	—	—	—	—	—	
1603 } 1604 }	60 гр.	—	60 гр.	—	50 гр.	—	—	—	—	—	60 гр.	—	—	—	—	Очень хорошій.
1605	—	8 гр.	—	4 гр.	—	—	—	16 гр.	—	—	—	—	6 гр.	—	—	Порядочный.
1606	24 гр.	—	14 гр.	—	—	—	—	—	20 гр.	—	20 гр	—	—	—	—	Хорошій годъ.
1067	—	8 гр.	—	5 гр.	—	—	—	6 гр.	—	6 гр.	—	5 гр.	—	—	—	Средній урожай.

[1]) Въ рукописи помѣщенъ 1599 г.,—очевидно, описка

въ столь близкихъ отношеніяхъ къ дому Соломерецкихъ, которымъ тогда принадлежало Баркулабово, въ какихъ можно себѣ представить придворнаго панскаго священника. Въ самомъ дѣлѣ, въ лѣтописи мы не только встрѣчаемъ извѣстія о крупныхъ событіяхъ, въ которыхъ принимали участіе Соломерецкіе, какъ разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ Богдана Соломерецкаго (л. 140), но и мелкія свѣдѣнія о чисто семейной жизни князя. На л. 144 об. отмѣченъ день рожденія сына у кн. Евдокіи Соломерецкой. На томъ же листѣ замѣтка о покупкѣ кн. Богданомъ Соломерецкимъ у разныхъ владѣльцевъ селъ Буйничъ и Чайки и о помѣрѣ ихъ на волоки въ 1592 г. На л. 156 замѣтка о томъ, что кн. Исакій Соломерецкій, сынъ Богдана, началъ учиться русской грамотѣ, и нѣкот. др. Однимъ словомъ, лицо писавшее разсматриваемую лѣтопись, весьма близко стояло къ дому князей Соломерецкихъ.

Авторъ лѣтописи знаетъ время кончины членовъ дома Соломерецкихъ, вообще сообщаетъ рядъ подробностей объ ихъ семейной жизни. Но наиболѣе вѣскими показаніями служатъ два разсказа лѣтописи. Разсказъ о кончинѣ княгини Полоніи Соломерецкой описанъ съ такими подробностями, какія только и могъ сообщить духовникъ, на рукахъ котораго скончалась княгиня (л. 153 об.). Разсказъ о крещеніи еврейки Стирки Баркулабовскимъ попомъ Федоромъ описанъ такъ, какъ могъ быть записанъ этотъ фактъ лицомъ, ведшимъ переговоры съ желавшей креститься и съ ея родителями. И такъ лицо, дѣйствовавшее во всѣхъ подобныхъ случаяхъ и является авторомъ лѣтописи.

И такъ въ авторствѣ священника Федора Филипповича сомнѣваться нельзя.

Теперь надо выяснить вопросъ о томъ, когда была написана лѣтопись. Послѣднія извѣстія въ ней относятся къ 1608 году, первая—къ 1544-му; но это послѣднее обстоятельство, запись о сеймѣ 1544 года, не имѣетъ значенія для вопроса о началѣ лѣтописи, такъ какъ разсказъ о сеймѣ и слѣдующія статьи о Баркулабовѣ и Могилевѣ носятъ вводный характеръ. Характеръ лѣтописи сочиненіе пріобрѣтаетъ съ 1570 года. Но замѣтки съ 1570 года по 1592 годъ имѣютъ рядъ особенностей сравнительно съ позднѣйшимъ разсказомъ. Эти первыя замѣтки—сухи, кратки, яркость и образность изложенія, столь присущія концу девяностыхъ и дальнѣйшимъ годамъ, въ нихъ отсутствуютъ. Авторъ путаетъ хронологическія даты:

смерть епископа Полоцкаго Варсонофія отнесена къ 1570 году (л. 138 об.), а онъ умеръ въ 1576 году (Сапуновъ, Витебская Старина, т. V); авторъ по два раза записываетъ одно и то же извѣстіе (напримѣръ объ избраніи Сигизмунда III); говоря о болѣе раннихъ событіяхъ, по случаю вспоминаетъ послѣдовавшія гораздо позже, напримѣръ, объ уніи онъ уже упоминаетъ подъ 1588 годомъ (л. 143 об.), о введеніи новаго календаря встрѣчается случайное упоминаніе подъ 1576 годомъ (л. 138 об.). Среди записей 1592 г. вставлено описаніе Берестейскаго Собора 1596 года; но уже послѣ 1592 года записи идутъ въ строгой хронологической послѣдовательности.

И такъ составитель лѣтописи приступилъ къ своей работѣ послѣ 1592 года, но не позже 1595—1596 г.г., судя по характеру, послѣдовательности записей и живости описаній.

Этотъ фактъ имѣетъ важное значеніе въ связи съ вопросомъ о составленіи всего сборника. Въ сборникѣ есть еще два отдѣльныя произведенія: въ самомъ началѣ сборника на листахъ 14 об.—16 об. помѣщено описаніе Берестейскаго собора 1594 года, на которомъ былъ преданъ анафемѣ Гедеонъ Балабанъ; въ срединѣ лѣтописи, среди записей 1592 года находится описаніе Берестейскаго собора 1596 года. Послѣднее описаніе извѣстно и въ отдѣльныхъ спискахъ, современныхъ эпохѣ (А. З. Р., томъ IV). Оба описанія составлены участникомъ соборовъ. Конечно анонимный составитель сборника могъ всѣ эти произведенія, лѣтопись и оба соборныя описанія, соединить въ своемъ сборникѣ. Но стиль обоихъ описаній Берестейскаго собора имѣетъ поразительное сходство со стилемъ лѣтописи. Кромѣ того самъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ посылаемъ княземъ Богданомъ Соломерецкимъ на соборъ 1590 года. Вполнѣ естественно, что тотъ же священникъ Федоръ Филиппович могъ быть и на соборѣ 1594 года. Князь Богданъ Соломерецкій, проявлявшій большое усердіе къ православію, начавши слѣдить за Берестейскими соборами съ 1590 года, могъ сохранить свой интересъ и къ соборамъ послѣдующихъ годовъ.

Но особенно характернымъ является одно мѣсто въ описаніи собора 1594 года. Послѣ произнесенія анафемы Балабану, разсказчикъ передаетъ, что митрополитъ Михаилъ Рагоза тутъ же въ соборѣ показывалъ присутствовавшимъ посланіе къ нему князя Соломерецкаго, присланное чрезъ спец[illegible]аго посланца: „тутъ же

сѣдячи отецъ Михайло митрополитъ показовалъ листъ, писаный отъ велможного княжати Соломерецкого черезъ посланца его". И такъ посланецъ князя Богдана былъ на соборѣ, но кто могъ интересоваться этой мелкой подробностью? Митрополитъ конечно получилъ на соборѣ не одно письмо. Эту подробность естественно могъ записать самъ посланецъ князя Соломерецкаго, для котораго эта подробность имѣла большой интересъ, и такимъ посланцомъ только и могъ быть довѣренный духовникъ князя священникъ Федоръ Филипповичъ.

И такъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что Федоръ Филипповичъ былъ на соборѣ и составилъ его описаніе, занесенное въ сборникъ.

Гораздо меньше указаній на его же авторство соборнаго описанія 1596 года. Но и въ послѣднемъ есть характерное мѣсто. Когда оппозиція православія выяснилась, за авторомъ описанія („до мене") присылаетъ панъ подскарбій и начинаетъ его склонять къ уніи; тотъ отказывается. Тогда подскарбій ему сказалъ: „ваша милость не смеешъ воеводы Смоленского.—И на то заплатилъ (говоритъ авторъ описанія), же не отъ его милости приехалъ, але самъ отъ себе". Воеводой Смоленскимъ (номинальнымъ) былъ въ то время Янъ Адамовичъ (по Вольфу),—лицо мало извѣстное, но судя по имени полякъ. Такъ, авторъ соборнаго описанія 1596 года былъ изъ мѣстности, которая лежала въ Смоленскомъ воеводствѣ, что какъ разъ подходитъ къ старосту Оршанскому, гдѣ былъ Баркулабовъ. Составитель описанія отвѣтилъ подскарбію, что онъ пріѣхалъ на соборъ „самъ отъ себе". Такъ какъ король былъ явно на сторонѣ уніи, то Федоръ Филипповичъ могъ изъ чисто дипломатическихъ соображеній не назвать своего патрона князя Богдана, пославшаго его на соборъ. Можетъ быть и въ семьѣ Соломерецкихъ произошло охлажденіе къ православію, что такъ часто тогда случалось въ семьяхъ вельможной аристократіи. На такое охлажденіе есть нѣкоторые намеки въ лѣтописи. Въ 1594 году умерла на рукахъ своего духовника княгиня Полонея Соломерецкая, можетъ быть наиболѣе ревностно поддержавшая въ семьѣ православіе. Въ 1597 году сынъ Соломерецкихъ, девятилѣтній князь Богданъ, началъ еще учиться грамотѣ славянской и греческой, но черезъ три года онъ уже отданъ былъ въ латинскую науку. Такимъ образомъ, можетъ быть дѣйствительно на этотъ разъ священникъ Федоръ уже самостоя-

тельно отправился на соборъ. Замѣтимъ еще, что въ спискахъ Эктезиса имени Федора Филипповича не находится; но это не служитъ объясненіемъ его отсутствія потому, что по заявленію автора Эктезиса сверхъ списка на соборѣ было еще болѣе 200 священниковъ. Замѣтимъ еще, что существованіе отдѣльныхъ списковъ соборнаго описанія 1596 года не можетъ служить опроверженіемъ мысли объ авторствѣ Филипповича.

Мы привели все то, что можно въ настоящее время сказать о предполагаемой принадлежности соборнаго описанія 1596 года Филипповичу. Но нельзя не признаться, что этотъ вопросъ еще является болѣе или менѣе спорнымъ.

Если теперь мы вспомнимъ время, съ какого Баркулабовская лѣтопись получаетъ характеръ послѣдовательной хроники, то поневолѣ напрашивается соображеніе: посѣщеніе соборовъ вызвало въ авторѣ желаніе записать событія, очевидцемъ которыхъ онъ былъ: оживленіе въ церковной жизни всей Западной Руси вызвало и въ священникѣ глухой провинціи стремленіе къ литературной дѣятельности, желаніе сохранить для потомства дѣла, очевидцемъ которыхъ онъ былъ.

Но возвращаясь съ соборовъ, авторъ попадалъ въ глухую провинцію съ ея мелкою повседневною жизнью. Кругозоръ его былъ сильно съуженъ и онъ главное свое вниманіе посвящаетъ мѣстной жизни, внося однако все, что доходило до него по слухамъ изъ обще-литовскихъ и московскихъ событій.

Выяснивъ личность автора и соборныхъ описаній, можно добавить нѣсколько словъ для характеристики его міросозерцанія.

Напомнимъ, что онъ весьма интересуется событіями московской жизни,—пытается даже объединить эти событія. Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть симпатій автора къ Москвѣ. Далѣе, Ф. Филипповичъ—усердный дѣятель на поприщѣ православія. Въ имѣніяхъ князей Соломерецкихъ воздвигнуто нѣсколько церквей и монастырь. При закладкѣ ихъ присутствуетъ Филипповичъ, очевидно благословляетъ закладку; онъ же освящаетъ церкви. Очень можетъ быть, что эта церковно-строительная дѣятельность князей Соломерецкихъ совершается надъ вліяніемъ ихъ духовника и навѣрное при его содѣйствіи.

Авторъ лѣтописи—вообще крѣпкій православный. Онъ нѣсколько разъ и весьма враждебно говоритъ о введеніи новаго ка-

лендаря. Его отношеніе къ католицизму и къ уніи, поскольку оно выразилось въ его соборныхъ описаніяхъ, также характеризуетъ эту сторону міровоззрѣнія автора. Но Филипповичъ—не теологъ: онъ не касается богословскихъ вопросовъ, видимо для него не вполнѣ ясныхъ. Мало того, провинціализмъ его сказывается даже въ непониманіи нѣкоторыхъ сторонъ тогдашняго религіознаго движенія. Для него неясна идея церковнаго братства („якоесь" братство основано въ Вильнѣ), его приводятъ въ недоумѣніе братскіе крестные ходы: въ этомъ виденъ человѣкъ, наблюдающій жизнь въ глухой провинціи, далекій отъ городскихъ интересовъ.

Вотъ все, что можно сказать о лѣтописи и ея составителѣ.

Въ заключеніи, я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какое мѣсто въ ряду историко-литературныхъ источниковъ занимаетъ нашъ памятникъ.

Въ настоящее время изслѣдователи дѣлятъ лѣтописаніе въ западно-русскихъ областяхъ на три большіе періода: древнѣйшій періодъ, оканчивающійся Волынскою лѣтописью, второй, который называется періодомъ собственно литовско-русскихъ лѣтописей (изводы лѣтописи великихъ князей литовскихъ и т. наз. Быховца) и, наконецъ, третій—лѣтописи малорусскія и казацкія, заканчивающіяся въ XVIII в. (Шараневичъ).

Такое дѣленіе требуетъ, думается мнѣ, поправки. Тѣ, кто его принимаетъ, упускаютъ изъ виду лѣтописаніе Сѣверо-Западнаго края, т. е. собственно бѣлорусское. Правда, бѣлорусскія или западно-русскія лѣтописи до послѣдняго времени намъ почти неизвѣстны. Но къ нимъ слѣдуетъ отнести сравнительно недавно появившуюся въ печати, въ изданіяхъ г.г. Антоновича и Сапунова, Витебскую лѣтопись Аверки, т. наз. лѣтопись Трубницкаго, хранящуюся въ И. Публичной Библіотекѣ, кое-какія свѣдѣнія о которой проникали уже раньше въ печати; съ теченіемъ времени найдутся, конечно, и другія изводы западно-русскихъ лѣтописей. Къ только что названному разряду лѣтописей слѣдуетъ отнести и разсмотрѣнную нами лѣтопись Өедора Филипповича.

Западно-русскія лѣтописи, подобно малорусскимъ, лѣтописи—мѣстныя: какъ въ Витебской лѣтописи, такъ и въ изводахъ могилевскихъ преобладаютъ мѣстныя извѣстія и изъ общегосударственныхъ сообщается весьма немногое. Но есть и весьма любопытная особенность западно-русскихъ лѣтописей—лѣтописаніе въ Бѣло-

руссіи продолжалось дольше, чѣмъ въ Малороссіи: тогда какъ въ послѣдней лѣтописаніе прекратилось въ XVIII в., въ Бѣлоруссіи оно продолжалось до половины XIX столѣтія; такъ лѣтопись Трубницкаго прерывается на 1856 г. и есть запись даже 1864 года.

Выше была указана связь разсмотрѣнной лѣтописи Филипповича съ ея западно-русскими собратьями. Но если между послѣднимъ памятникомъ и лѣтописями Трубницкаго и Аверки существуетъ генетическая связь, то со стороны богатства содержанія, изложенія и древности наша лѣтопись представляетъ громадныя преимущества и заслуживаетъ самаго внимательнаго отношенія со стороны науки.

М. Довнаръ-Запольскій.